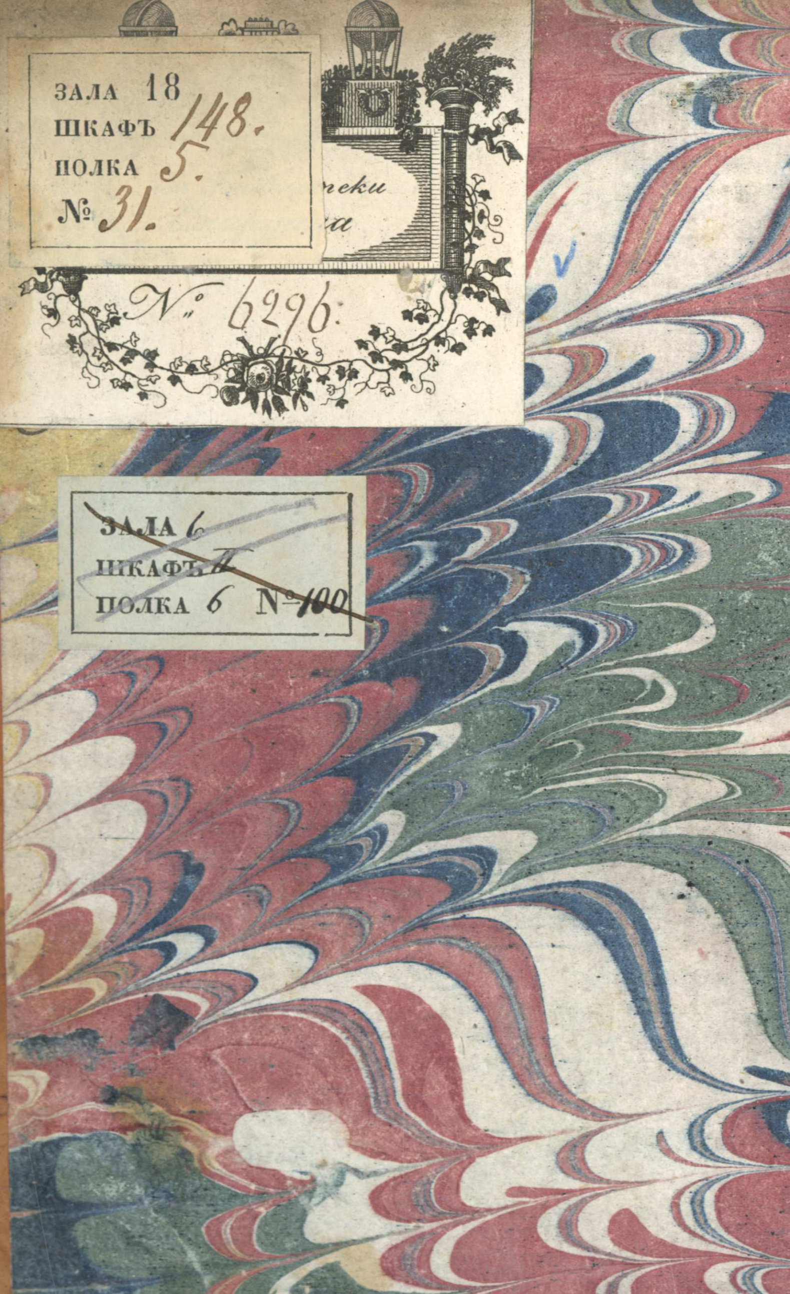

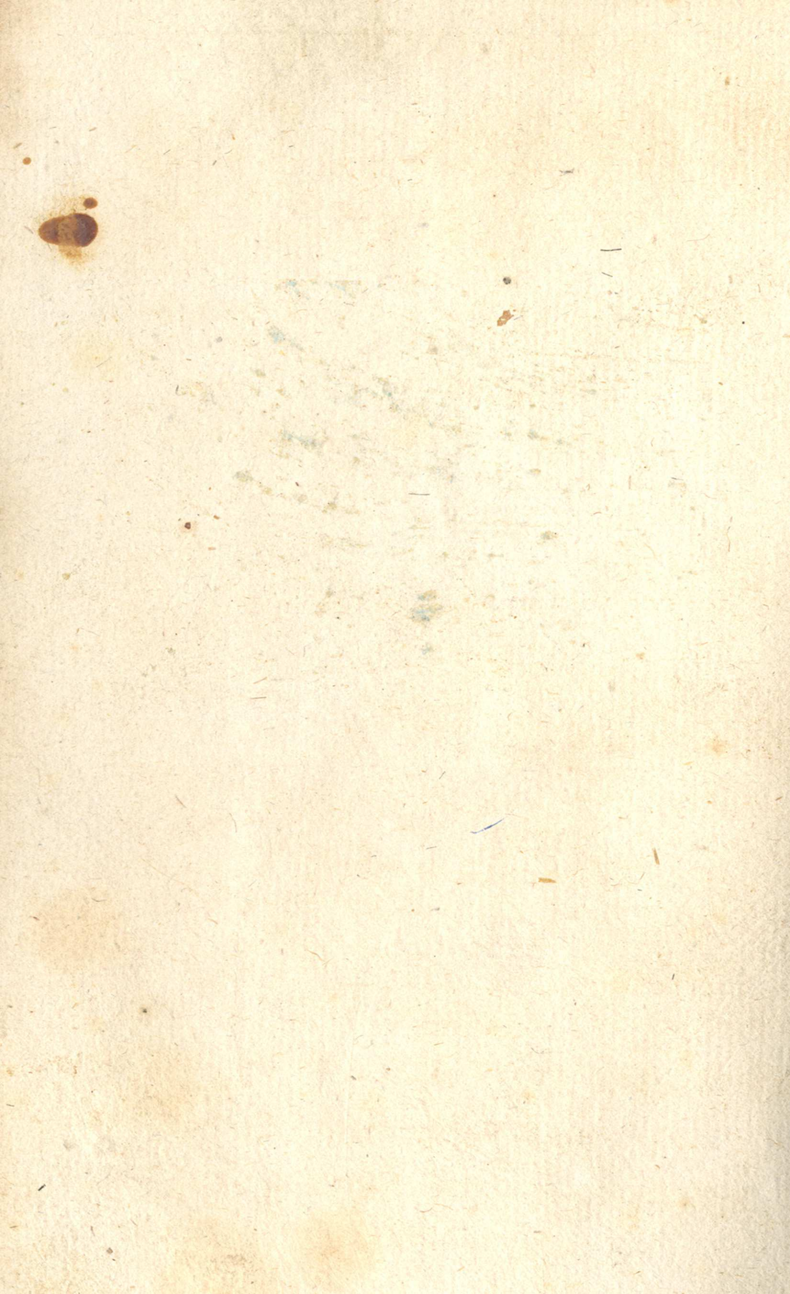

26

6587 C.

ИСІОДА АСКРЕЙСКАГО ТВОРЕНІЯ,

съ Греческаго на Россійской языкъ преложенныя

АЛЕКСАНДРОМЪ ФРЯЗИНОВСКИМЪ.

Цѣна [illegible] коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1779 года.

слѣдуетъ, который такъ пишетъ: между Омиромъ и Исїодомъ стихотворцемъ, умершимъ во время открытїя первыя Олимпїады, сто тритцать три года было. Иные написали, что онъ въ одно время жилъ съ Омиромъ, которое мнѣнїе, кажется, держалъ и Филострать. Да и Веллей не недостойный вѣроятїя повѣствователь (хотя нѣкоторые и говорятъ безразсудно, что никакого не было Веллея) и М. Варронъ въ первой книгѣ о образахъ, какъ то читаемъ у Геллїя, нѣтъ, говоритъ, сомнѣнїя, чтобъ не въ одно нѣкоторое время жили Омиръ и Исїодъ: и сїе онъ утверждаетъ изъ Эпиграммы, написанной на треножникѣ посвященномъ на Геликонѣ Музамъ. Оная Эпиграмма, которую у Дїона и между Греческими Эпиграммами читать можно, есть слѣдующая:

Hesiodus posuit Musis Heliconibus istum,
Cum cantu vicit divinum in Chalcide Homerum.

то есть:

Исїодъ далъ сїе въ честь музамъ Геликонскимъ,
Въ Халкидѣ пѣньемъ верхъ надъ славнымъ взявъ Омиромъ.

Вотъ она и на Греческомъ языкѣ:

Ἡσίοδος Μούσαις Ἑλικωνίσι τόνδ' ἀνέθηκε
Ὕμνῳ νικήσας ἐν Χαλκίδι θεῖον Ὅμηρον.

Плутархъ въ сочиненїи, которое названо: *Пиромъ седми мудрецовъ*, пространно изъяснилъ повѣсть о сей епиграммѣ. Омиръ, говоритъ онъ, и Исїодъ на погребенїи Оелика Ѳессалїйскаго и Амфидаманта Халкидскаго, стихами между собою спорилися, въ которомъ

торомъ дѣлѣ сомнительное было судей мнѣніе. Они, говоритъ, обратившись къ таковымъ вопросамъ, предлагали пустыя нѣкоторыя, какъ говорится, шутки (ежели только такъ сіи Греческія слова читать должно ὡς φασὶ λέσχας, а не ὡς φησὶ λέσχης, какъ то во многихъ мѣстахъ написано: однакожъ сего утвердить не можно; потому что есть имя собственное и Лесха стихотворца Лезвійскаго) Омиръ же такимъ образомъ:

Musa mihi referas, qua non nunquam ante fuere,
Neve futura retro.

то есть:

Повѣждь о Муза мнѣ о томъ, что прежде было,
И что не возвратится.

Тогда тотъ часъ недумавши отвѣтствовалъ Исіодъ:

Verum cornipedes quando Jovis ante sepulcrum
Festinantes propter palmam plaustra terebant?

то есть:

Но кони быстрые когда предъ гробомъ Дія
Возили для побѣдъ поспѣшно колесницы?

Сказываютъ, что за сіе Исіодъ въ великомъ удивленіи у всѣхъ былъ, и въ награжденіе треножникъ получилъ.

Если кто желаетъ знать и Грескіе стихи, то мы и оные здѣсь прилагаемъ.

Омиръ.

Μῦσα μοι Ἔννεπ' ἐκεῖνα τὰ μήτ' ἐγένοντο πάροιθεν,
Μήτ' ἔσται μετόπισθεν.

А Исіодъ такъ:

Ἀλλ ὅταν ἀμφὶ Διὸς τύμβῳ καναχήποδες ἵπποι
Ἅρματα συντρίψωσιν ἐπειθόμενοι περὶ νίκης.

 Впро-

Впрочемъ извѣстно и то, что между Омиромъ и Исїодомъ судїею былъ Панидъ Халкидскїй Царь, что самое въ пословицу будучи введено показываетъ, Πανίδε ψῆφος, Панидово мнѣнїе или голосъ, что обыкновенно на тѣхъ относится, которые неискусно и неблагоразумно судятъ. О современности Исїода съ Омиромъ довольно. Теперь надлежитъ поговорить о немъ самомъ. Исїодово имя, кажется, произведено отъ παρὰ Τὸ ἦσιν ἄδω. То есть отъ того, что онъ цѣломудренно и стыдливо говорилъ. Отечествожъ его городъ Кума, который между Эолическими числится, и лежитъ противу Лезва. Что сїе самое было отечество Исїодово, видно изъ Иродота, Стравона и Стефана, да и Валерїй Пробъ думаетъ, что Виргилїй не иного кого, какъ Исїода, разумѣлъ въ ономъ стихѣ:

Ultima Cumaei venit iam carminis aetas.

то есть:

Послѣднее пришло стиха Кумейска время.

Сирѣчь, что Исїодъ Кумейскїй перьвый времена изъ металловъ вымыслилъ; какъ ясно видѣть можно въ томъ его стихотворенїи, которому данъ титулъ: Ἔργα, то есть дѣла. И такъ родился Исїодъ въ Кумѣ, отца имѣлъ Дїа сына Ампелидова, рожденнаго отъ Меналопа Иѳагенскаго сына Критонова, матерь же Пикимеду; которые оба его родители въ превеликїе долги вошедши, и неимѣвши, чемъ оныя заплатить, въ Аскру Вїотическое село переселились, гдѣ въ отрочествѣ Исїодъ воспитанъ, и потому Аскрейскимъ прозванъ.

прозванЪ. ПлутархЪ изЪ мнѣнія Эфора Кумейскаго обьявляетЪ, что АпшелонЪ, МеонЪ и ДіонЪ Кумейскіе были его братья, которыхЪ отецЪ Дій упражнявшійся вЪ мореплаваніи, по вышесказанной причинѣ переселился вЪ Аскру, гдѣ на Пикимедѣ женился, отЪ которыя, какЪ сказываютЪ, родился ИсіодЪ, который какЪ отцовскій скотЪ пасЪ вЪ ребячествѣ, то, по обьявленію нѣкоторыхЪ, Музы его полюбивши, дали сЪѣсть ему ЛаврЪ. Ибо самого сего стихотворца толкователь ПроклЪ и Исаакій ЦецесЪ пишутЪ, что такое Естество есть Лавра, что тѣ, которые его вкусятЪ, прорицателями бываютЪ. Откуду и ЛикофронЪ стихотворецЪ по той причинѣ δαφνηφάγον, то есть ЛавроядцомЪ называетЪ прорицателя. ТожЪ СофоклЪ вЪ Кассандрѣ. И ТивуллЪ говоря о Сивиллѣ:

Uera cano ſic uſque Sacras innoxia Lavrus
Veſcar, et aeternum ſit mihi virginitas.

то есть:

Я правду такЪ пою, вкусивЪ священныхЪ ЛавровЪ,
И непорочною пребуду вЪ вѣкЪ дѣвицей.

Да и Афѳоній РиторЪ пишетЪ, что ЛаврЪ есть предвѣщателя СимволЪ или знакЪ: по чему и самое Лавровое дерево древніе называли μαντικὸν φυτὸν, сирѣчь пророческимЪ древомЪ. И КлавдіанЪ говоритЪ:

- - - - Venturi praeſcia Lavrus.

то есть:

- - - - Грядущаго предзнатель ЛаврЪ.

Говорятъ, что по тойже причинѣ и Аполлину онъ посвященъ, о которомъ такъ думали язычники, что онъ Богъ прорицательства. Сверхъ же того трескомъ листовъ сего дерева древнїе будущая предсказывали, чему и философъ Порфирїй вѣритъ. Ибо ежели они съ великимъ шумомъ въ огнѣ трещали, то щастїе означали, ежели жъ тихо горѣли, по чему и молчаливымъ Лавромъ названъ, то нещастїе. И для того объ немъ тотъ же Тивуллъ:

Lavrus ubi bona ſigna dedit, gaudete Coloni.

то есть:

Коль Лавръ знакъ добрый далъ, ликуйте земледѣльцы.

И Пропертїй:

Et tacet extincta Lavrus aduſta foco.

сирѣчь

И не трещитъ уже погасши Лавръ въ горнилѣ.

Сверхъ того лавровые листы ежели ночью подъ подушку положены будутъ, то по увѣренїю нѣкоторыхъ, правду въ сновидѣнїяхъ сказываютъ. Названо же сїе дерево по Гречески Дафномъ, по обьявленїю Евстафїя, отъ δα частицы умножающей значенїе, и глагола φωνέω, которое значитъ, *зову и пою*, по тому что Лавръ въ огонь положенный трещитъ, и звукъ издаетъ; откуду можетъ быть и самые Латины Лавръ произвели отъ λα, такъ какъ ερ частицы умножающїя значенїе, и uro, жгу, чтобъ онъ съ Греческимъ если не словомъ, то хотя значенїемъ сходствовалъ. Но теперь паки отъ Лавра возвратим-

вратимся къ Исіоду, который вкусивши Лавра, и напившись воды изъ Иппокрена, вдругъ стихотворцемъ учинился. Сіе какъ другіе, такъ и самъ онъ о себѣ въ томъ стихотвореніи, которое надписуется *рожденіемъ Боговъ*, обьявилъ. Сіе Максимъ Тирій такъ толкуетъ, что Исіодъ, по мнѣнію его, хотѣлъ весь разума своего и искуства плодъ отнести на Богинь, для засвидѣтельствованія имъ своей благодарности; такъ какъ кто искусно ковать умѣетъ, дѣла свои однакожъ приписываетъ Вулкану. Извѣстно, что Исіодъ такъ, какъ и Омиръ, любилъ странствовать; что однакожъ другіе за сновидѣніе почитаютъ. Иные думаютъ, что тѣ, кои странствуютъ, чрезъ странствованіе по другимъ государствамъ удобнѣе благоразуміе и прочія добродѣтели снискиваютъ, по тому что нравы многихъ людей видятъ. Исіодъ жену имѣлъ по имени Кремену, дщерь физигееву, и отъ нея родился стихотворецъ Стезихоръ. Иные говорятъ, что она не жена ему была, и за сію то самую онъ убитъ. Ибо какъ онъ для узнанія о себѣ Оракула въ Делфы ходилъ, и какъ ему отвѣтствовано было, чтобъ онъ храма Немейскаго Юпитера убѣгалъ, для того что тамъ жизни его конецъ будетъ: и какъ онъ для сей причины изъ Немеи въ Пелопоннисъ бѣжалъ; то можетъ быть во Енеонъ Локридскій пришелъ, гдѣ былъ Немейскаго Юпитера храмъ, какъ то пишетъ Ѳукидидъ, въ которомъ мѣстѣ по не опасности его, отъ

Амфифана и Ганетора физигеевыхъ дѣтей убитъ, которые думали, что онъ сестру ихъ Кремену разтлилъ. Трупъ его бросили они въ море. И хотя сіе дѣлали тайно, однако злодѣяніе ихъ на ружу вывелъ песъ Исіодовъ, какъ то пишетъ Плутархъ. Но индѣ они не физигеевыми сыновьями, но Ганиктора Навхлетія названы, какъ то въ сочиненіи, подъ названіемъ: *которыя животныя разумнѣе, земляныя или водяныя?* и Павсаній въ названныхъ такъ Віотическихъ сочиненіяхъ о смерти Исіодовой такъ пишетъ: сыновья, говоритъ онъ, Ганикторовы Ктименъ и Антифъ, бѣжали изъ Навпакта въ Моликрію, по той причинѣ, что убили Исіода, гдѣ противъ Нептуна нечестивыми признаны, и объ нихъ то здѣланъ вопросъ, и прочая, что онъ далѣ пишетъ. Смерти Исіодовой причину Плутархъ въ пиру Діокловомъ такимъ образомъ изьясняетъ. Съ Милезіемъ, говоритъ онъ, спутникомъ, и Троиломъ мальчикомъ Исіодъ у нѣкотораго человѣка былъ на ночлегѣ, и ночью Милезій хозяйскую дочь разтлилъ. Дѣвушкины братья думая, что Исіодъ про то зналъ, его на полѣ и съ мальчикомъ убили, и трупъ бросили въ море, мальчиково же тѣло на берегу оставили, отъ котораго и имя мѣсту дано. Сказываютъ де, онъ же еще говоритъ, что тѣло Исіодово Делфинами къ берегу принесено, гдѣ въ то время можетъ быть праздненство Нептуну отправлялось. Сіе беззаконіе какъ жители узнали, то домы убійцъ разры-

разрыли, а самихъ ихъ живыхъ въ водѣ потопили. Иные пишутъ, что послѣ третьяго дня Делфиномъ на берегъ вынесено Исїодово тѣло. О чемъ узнавши убійцы, хотѣли для спасенія себя уплыть, но силою воставшей бури будучи возпящены, всѣ до одного потонули. Потомъ тѣло Исїодово въ Немеи Локридской погребено, о чемъ есть Алкейскаго стихотворца стихъ. Послѣ жъ по совѣту Оракула, кости его перенесены отъ Орхоменянъ и погребены среди торжища съ слѣдующею надписью.

Ἄσκρη μὲν πατρὶς πολυλήιος, ἀλλὰ θανόντος
Ὀστέα πληξίππων γῆ Μινυῶν κατέχει
Ἡσιόδου, τοῦ πλεῖστον ἐν ἀνθρώποις κλέος ἐστὶν
Ἀνδρῶν ἐν βασάνῳ σοφίης.

Fertilis Ascra quidem patria est: verum morientis
Pugnaces Minyae candida membra tenent
Hesiodi, cuius super omnes plurima laus est,
Spectatosque viros judicio Sophiae.

то есть:

Хоть было отчество плодомъ обильна Аскра,
Но мертвый трупъ земля Минїянъ храбрыхъ держитъ,
Исїода того, о коемъ громка слава
Избраннѣйшихъ мужей въ премудрости разсудкомъ.

Есть и другое Греческое Пиндарово стихотворенїе, которое на Латинскомъ языкѣ такъ изображено:

Salve, cui pubes, tumulusque bis obtigit unus,
Tu Sapis Hesiode, quantum homini Sapere est.

или

Hesiode ante alios Sophia praestantior omnes,
Salve, bis quondam qui puer atque Senex.

Грече-

Греческое жъ Пиндарово есть слѣдующее:
Χαῖρε δὶς ἡβήσας, καὶ δὶς τάφου ἀντιβολήσας
Ἡσίοδ᾽, ἀνθρώποις μέτρον ἔχων σοφίης.

то есть:

Исїодъ радуйся премудрый мужъ изъ смертныхъ,
Что въ двое прочихъ жилъ, и дважды погребенъ.

На конецъ остается сказать о его сочиненїяхъ. Исїодовыхъ книгъ щитается шеснадцать: и во первыхъ theogonia, то есть *рожденїе Боговъ*, отъ Зенона философа между прочими истолкованное. Потомъ *Ἔργα καὶ ἡμέραι*, то есть *дѣла* и *дни*, въ которомъ сочиненїи о земледѣльческихъ дѣлахъ правила преподаетъ брату своему Персѣ, о которомъ нѣкоторые пишутъ, что онъ и самъ былъ стихотворецъ. Нѣкоторые думаютъ, что и *Ἠοίας μεγάλας*, то есть *утреннїя великости*, такъ названныя стихи, Исїодъ сочинилъ, какъ то Евнапїй Греческїй историкъ, и въ Вїотическихъ сочиненїяхъ Павсанїй, гдѣ и о другихъ сочиненїяхъ Исїодовыхъ упоминаетъ, о которыхъ уже выше мы напомнили. Послѣ сихъ Исїодъ астрономическїя писалъ сочиненїя, по томъ такъ названныя Ипоѳики, то есть *совѣты*, о которыхъ однакожъ фабїй Квинтилїанъ, слѣдуя мнѣнїю Грамматика Аристофана, пишетъ, что они не Исїодовы. Аристотель же и нѣкоторые Грамматики какъ точное Исїодово сочиненїе вездѣ приводятъ. Писалъ онъ такъ же Ироевъ и Ироинь родословїи,

віи, къ томужъ и о женщинахъ: въ которомъ сочиненіи привелъ многихъ ироинь, желавшихъ брака съ храбрыми мужами, какъ говоритъ Сервій. А Діонъ Златоустъ, слѣдуя мнѣнію Александра Македонскаго, сказалъ, что Исіодъ по той причинѣ писалъ о женщинахъ, что уступилъ Омиру, который объ ирояхъ прежде его писалъ. Да и Лукіанъ говоритъ, что Исіодъ добродѣтели женщинъ воспѣлъ. Павсаній пишетъ, что Исіодъ наукѣ пророчества отъ Акарнанскихъ жителей научившись, стихи объ оной написалъ. Никоклей Пишетъ, что Исіодъ перьвый писалъ сборные стихи, кои по Гречески называются ῥαψῳδῆσαι, что самое и на Пиндара Грамматики нѣкоторые относятъ. Самъ же Исіодъ объявляетъ, что онъ съ Омиромъ въ Дилѣ на Аполлина слѣдующіе стихи воспѣлъ первый, какъ выше сказано:

Ἐν Δήλῳ τότε πρῶτον, ἐγὼ καὶ Ὅμηρος ἀοιδοὶ
Μέλπομεν, ἐν νεαροῖς ὕμνοις ῥάψαντες ἀοιδήν,
Φοῖβον Ἀπόλλωνα χρυσάορον, ὃν τέκε Λητώ.

In Delo tum primum ego Maeonidesque Poaeta
Lusimus inque novis carmen cantavimus hymnis
Auricomum phaebum, quem Latona edidit alma.

то есть:

Мы въ перьвый разъ тогда съ пѣвцемъ Омиромъ въ Дилѣ
Взыграли межъ собой, воспѣвъ стихъ въ новыхъ ѵмнахъ,
Рожденна Литою въ честь Фива Аполлина.

Писалъ такъ же Исіодъ стихъ на бракъ Пелея и Ѳетиды, какъ выше сказано. Писалъ

и о

и о дактилахъ идеяхъ, такъ же надгробный стихъ другу своему Ватраху, и стихотворенïе такъ называемое *Щитъ Ираклïевъ*. о которомъ однакожъ Аристофанъ Грамматикъ думаетъ, что оно не Исïодово, но какого нибудь другаго стихотворца, который подражалъ Омиру. Мегаклъ же Аѳинейскïй, и Аполлонïй Родïйскïй и Стезихоръ мнятъ, что оное стихотворенïе есть точно Исïодово. Писалъ еще онъ о медицинѣ, то есть о врачебной наукѣ, о чемъ упоминаетъ Плутархъ въ Симпозïи Дïокловой. Исïодъ, говоритъ онъ, во врачебной наукѣ весьма великъ. Сïе довольно явствуетъ, когда онъ о образѣ содержанïя въ разсужденïи пищи и питïя, о темпераментѣ вина, о силѣ водъ, о баняхъ, о женщинахъ, о сопряженïи времень, и о состоянïи младенцевъ разсуждаетъ. Пишетъ сïе Клеоденъ врачь у Плутарха. Нѣкоторые объявляютъ, что Исïодъ и о травахъ писалъ, какъ то изъ Плинïя видѣть можно. Нѣкоторые же Исïода почитаютъ творцемъ и тѣхъ басенъ, которые Езоповыми называются. М. Манилïй во второмъ Астрономикѣ всѣ почти сïи Исïодовы творенïя въ немногихъ заключилъ стихахъ. Ибо Омира выхваливши, тотчасъ слѣдующимъ образомъ объ Исïодѣ присовокупилъ:

- - - Sed proximus illi
Hesiodus memorat diuos, divumque parentes,
Et chaos enixum terras, orbemque sub illo
Infantem, et primum titubantia sidera corpus,
Titanas iuvisse senis cunabula magni,

Et

Et sub fratre viri nomen sine fratre parentis,
Atque iterum patris nascentem corpora Bacchum,
Omniaque immenso volitantia corpora mundo.
Quin etiam ruris leges cultusque rogavit,
Militiamque soli, quod colles Bachus amaret,
Quod faecunda Ceres campos, quod Pallas utrumque,
Atque arbusta vagis esset quod adultera pomis,
Syluarumque Deos Sacrataque numina Nymphas,
Pacis opus, magnos Natura condit in usus.

то есть:

\- - - Но близкій къ оному
Исїодъ числитъ всѣхъ Боговъ, и ихъ родившихъ,
Начальну смѣсь вещей, изъ коей родились
Обширная земля и кругъ надъ нѣй младый
И тѣло первое колеблющися звѣзды,
Въ чемъ старцу помогли великому Титаны;
Безъ брата отческо, подъ братомъ имя мужа;
И паки отчее родивше тѣло Вакха,
И всѣ летающи тѣла въ безмѣрномъ мірѣ.
Законы сельскія съ работой предписалъ,
И споры о землѣ: что холмы любитъ Вакхъ,
Церера же поля, Паллада обое,
И насажденныя безплодныя сады,
Лѣсныхъ Боговъ, и Нимфъ священнѣйшихъ Богинь,
И всѣ творимыя дѣла во время мира,
Что строитъ Естество въ великія потребы.

Оставя прочее объ Исїодѣ, упомянемъ и о его хулителяхъ. Пишетъ во первыхъ Лукіянъ разговоръ называемый *Исїодъ* въ которомъ Исїода самого много о себѣ повѣствующаго вводитъ, и надъ нимъ по обыкновенїю своему насмѣхается Есть и между Греческими Епиграммами на Исїода весма много. Носится у Грековъ и притча о тѣхъ, которые сверхъ мѣры

мѣры стары, называемая *Исїодова старость.* Философъ Iеронимъ, пишетъ, что Пиѳагоръ, когда сходилъ къ преисподнимъ, видѣлъ душу Исїодову къ мѣдному столбу прикованную и крѣпко растянутую, такъ что она скрежетала, а съ нею и Омирову душу змеями отвсюду перепоясанную для той только причины, что они о богахъ, въ стихахъ своихъ ложное вымышляли. Для того то думаю, и здѣлано, что Понтїйскїй Ираклидъ, противъ клеветниковъ Омировыхъ книгу оную выдалъ, у которыя надпись или титулъ есть слѣдующїй: Аллегорїи, то есть иносказанїи въ томъ, что о Богахъ Омиръ говоритъ, и отвѣты на клеветниковъ его. Но и Исїодъ нашъ хотя превосходнаго и почти божественнаго былъ разума, однакожъ сказываютъ, что за всѣмъ тѣмъ имѣлъ своихъ поносителей. Ибо извѣстно, что Керкопъ въ беззаконныхъ противъ него упражнялся спорахъ; но сего объ Исїодѣ довольно.

ИСІОДА АСКРЕЙСКАГО ДѢЛА И ДНИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихотворецъ сей начиная отъ раздѣленїя попеченїй, изъ оныхъ одно, которое достойнымъ поношенїя и руганїя показываетъ, отвергаетъ, а другое всѣмъ вещамъ предпочитать брата своего Персу увѣщеваетъ для того, что первое въ судебныхъ хлопотахъ все почти время препровождаетъ, а послѣднее, которое есть честное и доброе, однимъ трудомъ съ правдою, которыя въ жизни весма потребны суть, себѣ снискиваетъ. Ибо послѣ того, какъ прехитрый, по сказанїю сего Стихотворца, Промиѳей у Дїя огнь, то есть къ житїю потребное и довольное (какъ то прилично къ сему пишетъ нѣгдѣ божественный Платонъ) воровски похитилъ; то Дїй людямъ, которыхъ онъ называетъ попечительными и прилѣжными, то есть о приобрѣтенїи богатства старательными, великое зло, а имянно Пандору, то есть Щастїе, которое всѣ божескїе дары, сирѣчь благодѣянїя Естества себѣ присвоять начало, ниспослалъ. Такимъ образомъ все жизни состоя-

стоянїе отъ щастїя зависитъ: а благоразумїю и старанїю человѣческому оныя снискивать стало весма трудно. И тако въ древность прежде хитраго онаго Промиѳеева похищенїя вся къ житїю потребная безъ труда снискиваемы были, и въ рукахъ у каждаго находились. Ибо Кронъ первѣе всего родъ нѣкоторый златый человѣковъ сотворилъ, которому безъ всякїя его работы все произносила земля. Сей родъ кроткою и приятною смертїю окончавшїйся, жизнь и имя духовъ по смерти получилъ За симъ другой послѣдовалъ, которой нарекли сребрянымъ. Онъ какъ златаго во всемъ хуже, такъ чище слѣдующихъ по немъ былъ. Того ради Дїй, то есть, Рокъ, и сей родъ изтребляетъ: которой по смерти жизнь велъ тѣхъ, которыхъ сей стихотворецъ блаженными подземными называетъ. Такимъ образомъ къ третьему роду, то есть мѣдному онъ преходитъ, о которомъ учитъ, что оной есть беззаконной и наглой. Сїи люди взаимнымъ пораженїемъ и безумїемъ другъ друга погубили: впрочемъ ни имени, ни извѣстнаго жизни по смерти состоянїя не достигли, кромѣ какъ въ конецъ сами себя истребивши, во Адъ снизшли. Послѣ сего третьяго уже рода Ирои послѣдовали (тако ово Етеокла и Полиника и прочихъ первую и древнюю

Ѳивскую

Ѳивскую войну, ово Агамемнона и Менелая и другихъ Троянскую брань воздвигшихъ называетъ.) Которыхъ Омиръ описываетъ, изъ коихъ иные умерши со всѣмъ погибли; а иные живутъ на островахъ блаженныхъ. Послѣ сего железной родъ, и его неправду описываетъ, наипаче же касается судей, которыхъ неправосудїе краткою и изрядною скаскою на ружу выводитъ. Остальная часть книги правды и не правды мзду предъ очи полагаетъ: по томъ и увѣщанїя нѣкоторыя премудрыя Персѣ предлагаетъ. По большей части образъ сего сочиненїя содержащїй Правила не связенъ есть въ себѣ, такъ что аки бы не стихотворческая, но прозаическая была рѣчь, которая на древнїя сочиненїя походитъ, и часто то же повторяетъ: и съ образомъ писанїя, которой новѣйшїе писатели влагающїе въ словахъ своихъ голыя мнѣнїя употребляли, со всѣмъ несходственна. Не редкожъ онъ и отъ матерїи отступаетъ для прогнанїя, то есть скуки брата своего, которую онъ изъ увѣщанїй и правилъ его почувствовать могъ. Послѣ сего преходитъ къ домостроительству, котораго образъ, начиная отъ земледѣлїя предписываетъ. Все же сїе ученїе состоитъ во описанїи времени способнаго къ пашнѣ, къ жатвѣ, къ собиранїю винограда и

къ

къ рубкѣ лѣсу. Кромѣ того какъ по правиламъ и по порядку отправляемыхъ дѣлъ успѣхъ, и щастливое окончанїе, такъ пренебрегаемыхъ ущербъ и вредъ показываетъ. Къ сему прибавилъ онъ раздѣленїя временъ года, по томъ къ отправленїю которыхъ дѣлъ каждое изъ нихъ способно, даже до двадцати осми или тритцати четырехъ почти стиховъ. И до сихъ то мѣстъ простирается первая домоводства часть Впрочемъ какъ люди частїю отъ теченїя времени, частїю отъ большаго корысти желанїя, не одинъ только нѣкоторый прибытковъ образъ избираютъ, но завсе, которые бы только какой нибудь прибытокъ обѣщали, хватаются: то приступаетъ къ другой домостроительства части: и по сему случаю о Естествѣ и состоянїи моря говоритъ. Ибо кажется, что такъ онъ называетъ время къ плаванїю наипаче способное Послѣ сего паки правила преподавать перестаетъ. О должномъ же Богамъ почтенїи между прочимъ говоря, раздѣленїе онаго присовокупляетъ: и начиная отъ рода, то есть почитанїя Боговъ, къ каждому онаго виду поспѣшаетъ. И такимъ образомъ все содержанїе дѣлъ и дней оканчевается.

КНИГА I.

О Пїерїйскїя музы, дающїя славу стихотворенїямъ! прїидите, молю васъ, вознесите похвалами великаго Дїя отца вашего, по соизволенїю котораго смертные бываютъ славны и не славны, возвышаются и унижаются: ибо съ высоты гремящїй, и въ горнихъ жилищахъ обитающїй Дїй безъ труда смиреннаго возноситъ, и вознесеннаго низвергаетъ; славою блистающаго помрачаетъ, и неславнаго на верьхъ славы возводитъ: безъ труда изправляетъ злонравнаго, и гордаго смиряетъ. Ты же все видящїй и слышащїй внемли мнѣ, и управи судъ; а я Персѣ истинну реку.

Не одинъ по истиннѣ на земли есть родъ попеченїй и къ снисканїю обилїя, но два: изъ нихъ одному всякїй разумный послѣдуетъ, а другїй поношенїя достоинъ. Но духъ въ разныя влекомъ бываетъ стороны. Ибо послѣднїй родъ погибельную возбуждаетъ брань и несогласїе, и наноситъ вредъ: никто его изъ смертныхъ не любитъ, но многїе по опредѣленїямъ безсмертныхъ Боговъ необходимо должны въ досадной обращаться враждѣ. Вторый родъ отъ мрачной рожденный нощи несравненно полезнѣйшїй есть; и Кроновъ сынъ, въ высокомъ обитающїй Еѳирѣ, вкоренилъ оный въ землѣ, и поставилъ между смертными, который и самаго лѣниваго побуждаетъ къ дѣлу. Ибо не-

дѣлающїй ничего, взирая на другаго трудами богатящагося, спѣшитъ и самъ пахать поля, насаждать древа, и разумно править своимъ домомъ. Ибо сосѣдъ сосѣду старающемуся о богатствѣ ревнуетъ. И сїе ревнованїе для людей весьма полезно: потому что и горшешникъ на горшешника, и кузнецъ на кузнеца сѣтуетъ, и нищїй нищему, и стихотворецъ стихотворцу завидуетъ. И сїе ты о Перса! водружай въ сердцѣ твоемъ, и зломъ веселящееся подражненїе да не отвлечетъ отъ трудовъ духъ твой взирающїй на тяжбы, и внемлющїй гласу въ судилищахъ. Ибо мало пещися подобаетъ о тяжбахъ и судилищѣ тому, кто не имѣетъ въ дому заготовленнаго на годъ припаса собраннаго лѣтомъ, которой даръ Димитры приноситъ земля. Симъ то изобилуя тяжбы и ссоры производи, и то о чужихъ стяжанїяхъ. Да тебѣ и сего дѣлать отнюдъ не должно: но послѣ прю нашу расторгнемъ прямыми и самыми лучшими разсужденїями, которыя произходятъ отъ Дїа. Хотя мы недавно наслѣдїе раздѣлили: и ты много тебѣ не надлежащаго похитилъ, угождая судїямъ къ корыстолюбїю поущающимъ, и сїю тяжбу судити хотящимъ; но они будучи глупы не знаютъ, колико менше половина цѣлаго, и сколь великое содержится въ травѣ проскурникѣ и золотоголовѣ добро. Ибо Боги въ сокровенности положили пищу человѣкамъ; иначе безъ труда въ одинъ день столько бы ты приобрѣлъ, что бы тѣмъ цѣлой годъ довольствоваться могъ, живя въ праздности; и тогда немедлѣнно бы плугъ въ дыму повѣсилъ, и престали бы дѣла трудящихся воловъ, и многоработныхъ лошаковъ. Но Дїй разгнѣвавшись духомъ за то, что хитрый

трый Промеѳей его обманулъ, все то утаилъ, и содѣлалъ людямъ прискорбная злая. Онъ сокрылъ огнь, но добрый Іапетовъ сынъ, обманувъ Перунами вооруженнаго Дïа, безъ соизволенія его, похитилъ оный въ выдолбленномъ сосудѣ, для употребленія человѣкамъ. И за сïе то разгнѣвавшись женущій облаки Дій на Промеѳея, вѣщалъ къ нему тако.

Іапетовъ сынъ изъ всѣхъ наилукавѣйшій! ты радуешися, что похитилъ огнь, и что мысли мои обманулъ; но сïе и тебѣ самому великимъ будетъ зломъ, и потомкамъ твоимъ. Ибо вмѣсто огня дамъ я имъ зло, которымъ всѣ будутъ услаждать духъ свой, любя собственное свое зло.

Тако рекши осклабился отецъ человѣковъ и Боговъ, и знаменитому Ифесту повелѣлъ немедлѣнно землю смѣшать съ водою, и дать сему составу человѣческій голосъ и крѣпость, лицемъ же уподобить оный безсмертнымъ Богинямъ дѣвамъ, прекрасный зракъ имѣющимъ: Аѳинѣ повелѣлъ ее научить дѣламъ, искусно ткать: а златой Афродитѣ поручилъ изліять на главу ея красоту, безпредѣльное желанïе и заботы о украшенïи тѣла. Безстыднуюжъ мысль и обманчивые нравы вложить, предписалъ Ермïю вѣстнику Аргоубïйцѣ. Тако реклъ, они же Кронову сыну яко Царю послушны. И тотъ часъ по повелѣнïю Дïа преславный Хромоногій Ифестъ здѣлалъ изъ земли женщину, во всемъ подобну стыдливой дѣвицѣ; препоясала и украсила ее голубыми глазами красящаяся Аѳина, а Богини Грацïи и почтенная Свада тѣло ея вокругъ обложили златыми ожерельями, прекрасныежъ власами Часы увѣнчали ее весенними цвѣ-

тами. Всежъ ея тѣлесное украшеніе въ благопристойность привела Аѳинская Паллада. Но въ сердце ея обманы, лестныя слова, и коварной нравъ по совѣту разгнѣваннаго Діа, вложилъ вѣстникъ Аргоубійца, а голосъ ей далъ проповѣдникъ Боговъ. Нареклъ же Діи жену сію Пандорою: по тому что всѣ небесныхъ жилищъ обитатели дары свои на нее изтощили, во вредъ любопытнымъ людямъ. И какъ отецъ Боговъ сію погибельную и неизбѣжную хитрость совершилъ, то славнаго Аргоубійцу быстраго вѣстника Боговъ послалъ отнести сей даръ къ Епимеѳею. Епимеѳей и не помыслилъ о томъ, что ему предписалъ Промеѳей, то есть, чтобъ онъ сего дара отъ Олимпійскаго Діа не принималъ, но отослалъ бы оный къ нему обратно, дабы изъ того не произошло какого либо смертнымъ зла. Но онъ принявъ его почувствовалъ сіе, какъ уже зло имѣлъ въ рукахъ своихъ. Ибо прежде того люди были на земли не чувствуя золъ, и не употребляя великихъ трудовъ, жили безъ болѣзней и безъ печалей наносящихъ старость: въ печалѣхъ бо скоро люди старѣютъ. Но лишь только оная жена руками своими большую крышку съ сосуда свергнула, то и пролила оныя, и чрезъ то нанесла людямъ тяжкія печали. Едина только здѣсь внутри подъ краями онаго осталась и вонъ неизліялась непобѣдимая надежда; по тому что она крышку скоро паки наложила, по совѣту Козою воспитаннаго женущаго облаки Діа. Прочая же безчисленная злая между людей водворились. Ибо преисполнена есть земля золъ, преисполнено и море. Болѣзни же на человѣковъ и днемъ и ночью нападеніе чинятъ, нанося имъ незапное зло, по тому что благоразумный

ный Дій не далъ имъ гласа. И тако нигдѣ не можно отъ Дієва гнѣва укрытися. Впрочемъ если хощешь, то я тебѣ и другую рѣчь въ краткости изрядно и разумно простру. Ты же ее въ предсердіи твоемъ положи.

Какъ родились Боги, и купно съ ними смертные люди; то оные небесныхъ домовъ жители произвели во первыхъ златый родъ, разноглагольствующихъ людей. Сіи были во время Кроново, когда онъ на небѣ царствовалъ; жили они такъ, какъ Боги, спокойный духъ имѣя, со всѣмъ безъ трудовъ и безъ печалей; не было тогда скучныя старости, и во всемъ будучи себѣ равны и подобны, забавлялись въ пиршествахъ внѣ всякихъ золъ, были любезны Богамъ, а умирали такъ, какъ бы засыпали. Вся благая у нихъ были. Тучное поле приносило имъ плодъ многъ и изобиленъ безъ всякія работы, и собравши оный наслаждались они имъ съ прочими безчисленными благими въ покоѣ. Послѣжъ того, какъ сей родъ земля сокрыла, учинились они, по опредѣленію великаго Дія, благими духами на земли обращающимися и смертныхъ людей хранителями, которые покрытые тьмою, ходя по земли всюду, наблюдаютъ и праведныя дѣла и злыя и даютъ богатство; и сіе царское званіе они получили.

Послѣ сего небесныхъ жилищъ обитатели произвели вторый родъ, гораздо перваго хуждшій, а имянно: сребряный златому ни величиною тѣлесною, ни разумомъ ни мало неподобный. Тогда дѣти у попечительныхъ матерей въ домѣ своемъ воспитывались сто лѣтъ, растя въ крайнемъ невѣжествѣ. Когда же возрастали и приходили въ совершенныя лѣта, то весьма мало жили, имѣя болѣзни прежде времени за свое безуміе: ибо они отъ злыхъ взаим-

 ныхъ

ныхъ обидъ воздерживаться не могли, боговъ почитать не хотѣли, ниже жертвы приносить имъ на священныхъ олтаряхъ, какъ то должно по обыкновенію смертнымъ дѣлать. И тако сихъ потомъ Дій Кроновъ сынъ разгнѣвавшись истребилъ, за то, что они не отдавали чести блаженнымъ богамъ, живущимъ на Олимпѣ.

Но послѣ того, какъ и сей родъ земля сокрыла, и сіи вторые по смерти блаженными смертными называются, и честь имъ отдается, Дій всѣхъ отецъ произвелъ третій инный человѣковъ родъ мѣдный, совсѣмъ отъ сребряннаго различный, великій и крѣпкій, которые старались производить плачевныя дѣла Ареевы, и обиды, и никакого брашна не вкушали, но имѣли духъ жестокій, какъ Адамантъ, и были свирѣпы, у коихъ великая сила и непобѣдимыя руки изъ плечь выростали, утвержденныя на крѣпкихъ членахъ. У нихъ оружіе было мѣдное, и домы мѣдные, и мѣдью они работы свои исправили. Ибо тогда еще чернаго желѣза не было. И сіи сами себя собственными руками избивъ, снизшли въ пространный домъ хладнаго ада безъ всякія славы; хотя они ужасны были, но жестокая смерть и ихъ постигла, и пресвѣтлаго солнечнаго сіянія лишила.

Но какъ и сей родъ земля въ себя приняла, то послѣ сего Дій Кроновъ сынъ произвелъ паки на питательницѣ многихъ землѣ инный родъ четвертый праведный и лучшій перваго рожденія, родъ божественный мужей храбрыхъ называемыхъ по неизмѣримой землѣ Полубогами. Но и сихъ злая война и жестокая битва погубила, однихъ при седмивратныхъ Ѳивахъ въ Кадмейской землѣ за овецъ Едиповыхъ бившихся,

ся, а другихъ въ корабляхъ по неизмѣримымъ морямъ для красящїяся власами Елены подъ Трою плававшихъ, гдѣ также смерть ихъ постигла. Но Дїй Кроновъ сынъ, и всѣхъ отецъ, опредѣливъ имъ отдѣленное отъ человѣковъ жилище и пропитанїе, поселилъ ихъ при послѣднихъ земли предѣлахъ; и сїи счастливые Ирои спокойный духъ имѣя, живутъ на блаженныхъ островахъ близъ глубокаго Океана. Имъ плодоносная земля сладкїй плодъ каждой годъ трижды приноситъ.

Но о! когда бы я при пятомъ родѣ людей не былъ, но или бы прежде умеръ, или бы послѣ родился. Ибо нынѣ родъ есть желѣзный, нынѣ люди не имѣютъ покоя отъ трудовъ и бѣдности, ни днемъ ни ночью: и боги наложили на нихъ тяжкїя попеченїя; однакожъ къ сему злу примѣшали и нѣкоторое добро. Дїй и сей родъ разноглагольствующихъ людей погубитъ. Едва вникающїе на свѣтъ покроются сѣдинами, не будутъ подобны ни отцы дѣтямъ, ни дѣти отцамъ, ни гость гостю, ни другъ другу; и братъ брату не будетъ прїятелемъ такъ, какъ прежде сего бывало. Нечестивые дѣти состарѣвшихся своихъ родителей скоро почитать не станутъ, но будутъ ихъ попрекать досадными говоря словами, и за воспитанїе ихъ награжденїя имъ не воздадутъ, ни мало не опасаясь всевѣденїя боговъ. Будутъ наглы, и одинъ другаго городъ разграбитъ. Никакой не будутъ имѣть любви ни къ благочестивому, ни къ праведному, ни къ доброму человѣку, но больше будутъ почитать злодѣя и обидчика. Правды и стыда въ рукахъ ихъ не будетъ; но напротивъ того злый человѣкъ будетъ досаждать доброму, неправду съ нимъ

 говоря,

говоря, и ложною клятвою станетъ клянутися. А злоба злыя вѣсти разсѣвая и о злѣ радуяся, всѣхъ бѣдныхъ людей будетъ провождать завистливымъ лицемъ. И тогда то наконецъ Стыдъ и Немезисъ одѣвающія прекрасное тѣло свое чистымъ одѣяніемъ, съ обширныя земли, взойдутъ на небо въ сонмъ боговъ, оставивъ совсѣмъ людей. И тогда то оставятся смертнымъ человѣкамъ тяжкія болѣзни, и злу не будетъ изцѣленія.

Но я теперь взятую отъ скотовъ басню раскажу одареннымъ разумомъ правителямъ и судіямъ. Разговаривалъ нѣкогда ястребъ съ сладкопоющимъ соловьемъ, высоко его къ облакамъ въ кохтяхъ своихъ вознезши. И хотя соловей кривыми его кохтями стиснутый неутѣшно плакалъ; но ястребъ слѣдующую наглую рѣчь къ нему простиралъ.

Несчастный! что ты шумишь. Держитъ тебя тотъ, который сильнѣе тебя. Туда ты идешь, куда я тебя несу, хотя ты и пѣть умѣешь. Въ моей воли состоитъ, поглотить ли тебя, или отпустить. Глупъ тотъ, кто хощетъ съ сильнѣйшими пратися. Ибо онъ нетолько побѣды лишается, но сверхъ того еще поношеніе и болѣзни терпитъ.

Такъ вѣщалъ быстропарящій ястребъ великокрылая птица.

Ты же, о Перса внуши правдѣ, и не дѣлай ни кому обиды: ибо обида не только бѣдному человѣку весьма погибельна есть; но и великій человѣкъ съ трудомъ и съ тяжестію оную сноситъ, и обременяется ею, когда убытки претерпѣваетъ. Другій же путь, ведущій къ праведнымъ дѣламъ, есть лучше. Ибо правда до конца прошедшая превозмогаетъ обиду. Безумный

зумный же зломъ своимъ научается. Ибо за неправедными судами всегда следуетъ клятвопреступленіе. Правды же влекомыя гласъ слышенъ будетъ, куда ее даролюбящіе люди поведутъ, и неправедными разсужденіями будутъ судити дѣла Она покрывшись мракомъ идетъ оплакивая городъ, и обычаи народа, принося тѣмъ людямъ зло, которые ее выгоняютъ, и справедливости не дѣлаютъ. Но которые даютъ праведные суды такъ пришельцамъ, какъ и своему народу, и ни сколько отъ правды не отступаютъ, у тѣхъ непоколебимъ стоитъ градъ; народъ въ немъ процвѣтаетъ, тишина по земли ихъ глубокая, и имъ тягостныя войны всевидящій Дій не готовитъ. И никогда у праведныхъ людей ни глада, ни другаго какого либо вреда не бываетъ. Они собраннымъ богатствомъ наслаждаются въ бѣседахъ. Ибо земля имъ довольное пропитаніе приноситъ. Вершина растущаго на горахъ дуба произрастаетъ имъ желуди, а средина его содержитъ пчелъ. Мохнатые ихъ овцы руномъ обременены. Жены ихъ раждаютъ дѣтей подобныхъ отцамъ, и цвѣтутъ всегда во благихъ. Въ корабляхъ они не плаваютъ, но плоды имъ приноситъ обильное поле. Которые жъ стараются злую обиду и неправду дѣлать, тѣмъ всевидящій Кроновъ сынъ Дій готовитъ казнь, и часто за одного злаго человѣка, грѣшащаго и беззаконіе предприемлющаго, весь городъ наказываетъ, великое низпосылая зло, гладъ и купно съ онымъ моръ, отъ чего пропадаютъ цѣлые народы. Жены ихъ не раждаютъ, и умаляется родъ ихъ, по опредѣленію Олимпійскаго Дія. Иногда же онъ великое воинство погубляетъ, или разрушаетъ стѣны, или корабли ихъ погружаетъ въ Понтѣ.

О! правители и судіи, блюдите и вы сами правду; Боги бо между смертными обращающіеся, видятъ и знаютъ всѣхъ тѣхъ, которые неправедными судами взаимно другъ друга угнѣтаютъ, ни о какомъ Боговъ почитаніи не брегуще. Ибо три тьмы есть на питательницѣ многихъ землѣ Діевыхъ Боговъ, хранящихъ смертныхъ людей, которые покровенни мракомъ всюду ходя по земли, наблюдаютъ суды и неправыя дѣла. Правда же есть дѣва, рожденная самимъ Діемъ, преславна и почитаема самими на небѣ обитающими Богами. И поистиннѣ есьли кто ее оскорбитъ, неправедно понося; то она сѣдя́ возлѣ отца своего Кронова сына Дія, жалуется на беззаконную мысль людей, и проситъ, не укосня о наказаніи народа за грѣхи правителей, которые развращенная помышляя, въ другую сторону уклоняютъ суды, несправедливо мнѣніе полагающе. Сего то опасаясь, о корыстолюбивые правители! исправте ваши слова, и неправедныя суды совсѣмъ оставте. Ибо готовящій зло другому, самому себѣ готовитъ, и злый совѣтъ воспріявшему его весьма вреденъ есть. Всевидящее и всевѣдущее око Діево и сіе [понеже тако хощетъ] назираетъ. Не утаевается отъ него, какъ суды своя какій либо городъ отправляетъ. Въ прочемъ и я самъ нынѣ между людьми неправеденъ, и сынъ мой. Ибо худо нынѣ праведнымъ быти, потому что больше права неправедный имѣетъ; однакожъ я думаю, что услаждающійся перунами Дій сего дѣлать не будетъ.

О Перса! ты все сіе въ сердцѣ своемъ полагай, и правдѣ внуши, а насильство совсѣмъ изжени, ибо Кроновъ сынъ сей законъ положилъ рыбамъ, звѣрямъ и птицамъ небеснымъ, яко

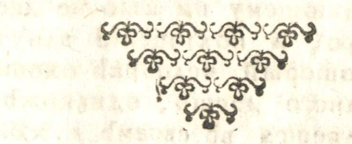
яко правды лишеннымъ, чтобъ они взаимно другъ друга пожирали, людямъ же далъ правду, которая гораздо лучше. Ибо есьли кто правду говоритъ всенародно, тому громогласный Дій богатство даетъ щедро. Ктожъ во свидѣтельствѣ волею клятву преступая, и противъ правды погрѣшая, лжетъ; тотъ неизлѣчимо самъ себѣ вредитъ, и мрачный родъ его напослѣдокъ оставляется. Праведнаго же мужа порожденіе у потомковъ бываетъ преславно. Но я доброжелательствуя тебѣ, пребезумный Перса! возглаголю еще. Правда, что злобу вдругъ воспріять удобно можно, потому что не дальняя къ ней дорога, и близко она обитаетъ, къ добродѣтели же великій трудъ безсмертные боги положили; долга бо и трудна дорога къ ней, и сперва не гладка, но какъ придешь до конца, то удобна къ хожденію бываетъ. Тотъ человѣкъ всѣхъ превосходнѣйшій есть, который самъ для себя чрезъ все учится, помышляя о томъ, что потомъ и наконецъ бываетъ лучше. Но и тотъ не худъ, который учащему на добро повинуется. Кто же ни самъ не разумѣетъ, ни другаго не слушаетъ, и словъ его въ сердце свое не приемлетъ; тотъ безполезный есть человѣкъ. Но ты всегда мое наставленіе помня дѣлай, о Перса! божественный родъ, то есть упражняйся въ земледѣліи, чтобъ тебя голодъ ненавидѣлъ, а любила бы благоувѣнчанная почтенная Димитра, и съѣстнымъ бы припасомъ наполнила твой шалашъ. Ибо голодъ всегда лѣниваго человѣка опровожлаетъ, и боги и люди того ненавидятъ. Кто въ праздности живетъ, тотъ подобенъ трутнямъ, неимѣющимъ жала, которые трудъ пчелъ лежа пожираютъ. Тебѣ же да будетъ приятно умѣренныя отправлять дѣла, чтобъ съѣстнымъ припасомъ за-

благо-

благовременно наполнились твои житницы. Отъ трудовъ бо имѣютъ люди много скота и богатства; къ тому жъ ты трудяся будеши гораздо любимѣе богамъ и людямъ. Ибо они праздныхъ весьма ненавидятъ. Работать же не есть безславіе, но лѣниться есть безчестіе. Ежели жъ будешь работать, то не укоснитъ и въ праздности живущій человѣкъ подражать тебѣ богатящемуся, а съ богатствомъ и добродѣтель и слава сопутствуютъ. Но и богамъ подобенъ будеши, когда отъ чужихъ стяжаній безумный духъ отвлекая, и обращая оный къ дѣлу, станешь стараться о сьѣстныхъ припасахъ, какъ я тебѣ приказываю. Не хорошъ тотъ стыдъ, который неимущаго человѣка удерживаетъ отъ работы, стыдъ, который людямъ много вредитъ и помогаетъ. Да будетъ стыдъ тебѣ быти нищимъ, а дерзновеніе богатымъ, точію богатство да не будетъ грабительствомъ нажитое. Отъ бога данное гораздо лучше. Ибо есьли кто великое богатство или руками насильственно нахватаетъ, или коварствомъ языка награбитъ; [чего много случается, когда во первыхъ корыстолюбіе умъ человѣческій съ праваго пути сведетъ, а стыдъ безстыдствомъ изгонится] то Боги удобно того помрачаютъ, родъ таковаго человѣка уменшается, и весьма малое время счастіе его сопровождаетъ. Равное сему преступленіе есть и то: есьли кто покорному человѣку, и пришельцу зло учинитъ, кто въ ложницу брата своего взойдетъ для любодѣйствія съ его женою, кто злою лестію чьихъ нибудь дѣтей сиротъ обманетъ, и кто стараго родителя на злосчастномъ старости порогѣ жестокими ругая словами обезчеститъ: поистиннѣ самъ Дій на таковыхъ гнѣвъ и ярость свою изливаетъ, и

на конецъ за безаконныя дѣла тяжкую воздаетъ месть. И тако ты отъ сихъ безумный свой духъ всячески воздержи. По возможности жертвы приноси безсмертнымъ богамъ чисто и непорочно, и нескверныхъ скотовъ сожигай. А иногда жертвенными хлѣбами и другими жертвами ихъ умилостивляй, когда пойдешь на ложе и когда утреннее время придетъ, чтобъ они благосклонное къ тебѣ сердце и духъ имѣли, и чтобъ ты иныхъ купилъ жребій, а не твой бы кто другій. Друга на пиръ зови, а недруга оставь: того же наипаче зови, который ближе къ тебѣ живетъ. Ибо есьли что нибудь по случаю приключится; то сосѣди не препоясанные сбѣгаются, а сродники препоясуются. Столько вредомъ есть злый сосѣдъ, сколько добрый великою пользою. Тотъ честь получилъ, кто получилъ сосѣда добраго. И волъ не пропадетъ, естьли сосѣдъ не будетъ злый. Справедливою мѣрою у сосѣда въ заимъ бери, и справедливою отдавай: тою же самою мѣрою, или и большею, есьли можешь, чтобъ въ случаи нужды и впредь податливаго его себѣ ты нашелъ. Злыхъ прибытковъ не приобрѣтай. Злыебо прибытки равны убыткамъ. Любящаго тебя люби, и помогающему тебѣ помогай. Давай тому, кто тебѣ дастъ, а тому не давай, кто тебѣ не даетъ. Ибо дающему кто нибудь дастъ, а не дающему ни кто не даетъ. Даяніе есть добро, а похищеніе зло и смертоносно. Ибо который человѣкъ охотно даетъ, тотъ хотя много дастъ, однакожъ радуется дая, и увеселяется въ своемъ духѣ. Кто же самъ похищаетъ, надѣясь на свое безстыдство, хотя оно малое будетъ, однакожъ мучитъ духъ. Ибо есьли малое къ малому при-

присовокуплять будешь, и часто сїе станешь дѣлать, то вскорѣ оное великимъ сдѣлается. Кто къ приобрѣтенному еще присовокупляетъ, тотъ избавится отъ тяжкаго глада. Въ домѣ хранимое хозяину вреда не приноситъ. Но вредно то, чего дома нѣтъ. Изъ наличнаго брать, весьма хорошо, но печаль духу есть требовать того, чего нѣтъ въ домѣ. И о семъ то я тебѣ помышлять велю. При началѣ и при истощанїи бочки насыщайся, а въ срединѣ оную береги. Когда жъ на днѣ въ ней будетъ, то уже поздо беречь. Плата другу твоему договорная да будетъ полная. Ты и съ братомъ своимъ играя свидѣтеля пригласи. Ибо легковѣрность равно и невѣрность погубляютъ людей. Жена щеголиха ласкательно говорящая, и вывѣдывающая домъ твой да необольститъ умъ твой. Ибо кто надѣется на жену, тотъ надѣется на воровъ. Одинъ токмо сынъ соблюдетъ отеческїй домъ, храня оный. И такимъ образомъ умножится богатство въ дому; и въ старости умрешъ, другаго сына оставя. Совокупленнымъ же Дїа безъ труда даетъ великое богатство. Ибо чѣмъ ихъ больше, тѣмъ большее будетъ старанїе, и большее богатства присовокупленїе. И тако есьли духъ твой желаетъ внутренне богатства, то такимъ образомъ дѣлай, и старанїе къ старанїю прилагай.

КНИГА II

При восхождении рожденныхъ Атлантомъ Плїадъ начинай жатву, а при захожденiи оныхъ пашню. Правда, что ихъ чрезъ сорокъ нощей и дней невидно; но паки съ обращенїемъ года они показываются, и во первыхъ тогда, когда точатъ желѣзо. Сїе подлинное къ пашнѣ есть правило всѣмъ, какъ близъ моря живущимъ, такъ и далече отъ волнующагося моря въ отложистыхъ долинахъ, въ плодоносной странѣ обитающимъ. Нагой сѣй, нагой паши, и нагой жни, есьли хощешъ всѣ дѣла Димитрины заблаговременно совершити, дабы тебѣ все во благовремени возрасло, и чтобъ когда нибудь между тѣмъ требуя, не скитался ты для милостины по чужимъ домамъ, безъ всякой прибыли, такъ какъ и нынѣ ко мнѣ пришелъ; Однакожъ я тебѣ болѣе уже не буду давать не только даромъ, но и въ заимъ. Упражняйся глупый Перса! въ дѣлахъ, которыя людямъ Боги опредѣлили, чтобъ тебѣ когда нибудь съ дѣтьми и съ женою болѣзнуя духомъ не искать пропитанїя у сосѣдовъ, а они тебя презрятъ. Дважды или трижды можетъ быть просимое получишь, еслижъ болѣе скучать имъ будешь, то по истиннѣ дѣла не надѣлаешь, а пустаго много наговоришь. Бесполезно же будетъ словъ твоихъ изобилїе. Но я тебѣ приказываю помышлять о уплатѣ долговъ, и о избѣжанiи глада. Во первыхъ домъ и жену, и пашущаго вола, и работницу

ботницу дѣвку, которая бы ходила за волами, и всякія потребныя для дому вещи стяжи, чтобъ не просить тебѣ оныхъ у другаго. Онъ тебѣ въ нихъ откажетъ, и ты не будешь ихъ имѣть, время же пройдетъ, и остановится у тебя работа. Не откладывай дѣла до завтра, и до послѣзавтра. Ибо убѣгающій человѣкъ работы и откладывающій оную до завтра, не наполнитъ своея житницы. А стараніе богатство тебѣ умножитъ. Кто откладывяетъ дѣла, тотъ всегда претерпѣваетъ убытки. И такъ когда уже сила пронзительнаго солнца перестаетъ производить жаръ, и когда всесильный Дій ниспосылаетъ осенью дождь, тогда перемѣняется человѣческое тѣло и становится гораздо легчайшимъ [ибо тогда солнечная звѣзда почти надъ голову подверженныхъ року людей днемъ приходитъ, а больше ночью отдохновенія даетъ]: когда срубленнымъ быть долженствующій лѣсъ еще червоточинамъ не подверженъ, а листвіе его на землю уже опало, и вѣтвей онъ лишился; то помни, что тогда его рубить самое благовременное есть дѣло. И такъ ступу высѣки въ три фута, а пестъ въ три локтя, ось же въ седмь футовъ, потому, что такая весьма пригодна. Ежели жъ оную въ восемь футовъ высѣчешь и отъ нее молотъ отрубишь; то на три ладони оботъ колеса высѣки къ десятиладонной тѣлегѣ. Кромѣ того и другія многія кривыя деревья руби; такъ же неси домой все, что ни найдешь изъ ясеневаго древа пригодное для сошниковъ къ плугу, ища оное или на горѣ или на полѣ. Ибо сіе воламъ къ паханію весма крѣпко есть; наипаче когда Аѳинейскія Паллады служитель къ дышлу приколотивъ гвоздьми присоединеніе рукоятки, хоро-

шо

што приделаетъ Работаяжъ имѣй въ домѣ своемъ два плуга, одинъ не настроенный, а другій собранный. Сіе бо есть весьма нужно, по тому что есьли одинъ изломаешь, то въ другій воловъ впряжешь. Изъ лавроватогожъ дерева, или изъ вяза весьма крѣпки рукоятки бываютъ, такъ какъ изъ дуба дышло, а изъ ясеня сошники. Двухъ девятилѣтнихъ воловъ стяжи, ибо у таковыхъ сила довольная есть, и они мѣру молодости имѣя, къ работѣ весьма способны; они равныя силы напрягая въ браздѣ, и плуга не изломаютъ, и дѣло несовершеннымъ не оставятъ. За ними четыредесятилѣтній юноша да ходитъ, съѣвши на четыре части разломленнаго хлѣба кусковъ съ восемь, который о дѣлѣ стараясь, прямую бразду да ведетъ, не озираясь отнюдъ къ единовозрастнымъ, но весь помыслъ имѣя въ дѣлѣ; а сего не моложе и другаго лучшаго къ сѣянію избери, для избѣжанія въ другій разъ сѣянія. Ибо молодый человѣкъ къ единовозрастнымъ бродитъ мыслію. Примѣчай еще: когда услышишь голосъ журавля съ высоты изъ облаковъ повсягодно крычащаго, который и къ пашнѣ знакъ даетъ, и зимнее время возвѣщаетъ дождливое; сердцежъ человѣка неимѣющаго воловъ угрызаетъ; тогда насыщай согбенныхъ воловъ пребывающихъ дома. Ибо удобно изрещи можно: дай пару воловъ и телѣгу; но безъ труда и отказать можно, сказавъ, что волы заняты. Человѣкъ же разумомъ обогащенный содѣлываетъ самъ телѣгу; а глупый и того не знаетъ, что сто деревъ есть годныхъ для телѣги. И о сихъ то прежде стараться надобно, дома оныя заготовляя. А какъ во первыхъ приспѣетъ смертнымъ пашня: тогда приступи къ оной вмѣстѣ, и ты

самъ и слуги твои, весьма рано востая и поспѣшая, сухую и мокрую землю пашуще до времени пашни, дабы хлѣбомъ поля у тебя наполнились. Весною вспаши, и лѣтомъ повторенная пашня да не обманетъ тебя; и землю чрезъ годъ отдохнувшую вспаши, и тогда сѣй на ней. Ибо чрезъ годъ отдохнувшая земля недопущаетъ земледѣльца до проклинанїя ее, и дѣтей его умилостивляетъ. Молись земному Дїю, и чистой Димитрѣ, чтобъ желанїе твое исполнили, и даровали священный даръ оныя. И какъ во первыхъ начнешь пахать, держась рукою за конецъ рукоятки плуга; то воловъ влекущихъ дубовое дышло погоняй концомъ бразды; а юный твой дѣлатель сзади кирку держа, да дѣлаетъ птицамъ трудъ, въ землю сѣмена сокрывая. Прилѣжанїе есть самое изящное смертнымъ людямъ дѣло; а лѣность пренегодное. Такимъ образомъ отягченные изобилїемъ класы преклоняться будутъ къ земли, есьли только напослѣдокъ самъ Олимпїйскїй Дїй добрый конецъ подастъ; тогда ты выбросишь изъ сосудовъ пауковъ, и думаю, что будешь радоваться, когда станешь насыщатися собранною въ домъ твой пищею, и въ веселїи проживешь до сѣдыя весны, и къ другимъ не будешь озираться для съѣстныхъ припасовъ, но наипаче еще и иной человѣкъ у тебя оныхъ будетъ требовать. Есьли же ты при возвращенїи солнца будешь пахать глубокую землю; то жать станешь сидя, очень мало въ руку захватывая, и напротивъ того снопы связывая съ трудомъ, и не весьма радуяся. Понесешь же въ кузовѣ, и не многїе чтить тебя будутъ. Правда, что въ иныхъ случаяхъ другая мысль у Дїя козою воспитаннаго бываетъ; но смертнымъ

людямъ

людямъ ее постигать трудно. Ежели же поздо будешь пахать; то да будетъ тебѣ слѣдующее въ томъ поправленіе. Когда въ первый самый разъ кокушка кокуетъ, сидя на вѣтвїяхъ дуба, и смертныхъ на неизмѣримой землѣ увеселяетъ, Дій же дождитъ три дни безпрестанно, а однакожъ вода ни выше, ни ниже воловья копыта будетъ: тогда и поздняя пашня благовременной равна бываетъ. И сїе все ты въ сердцѣ своемъ сокрывай. Да не утаится отъ тебя ни начинающаяся сѣдая весна, ни благовременный дождь. Проходи мимо мѣдныхъ сѣдалищъ, и теплыхъ хижинъ, въ которыя лѣнивые ходятъ для пустыхъ разговоровъ во время зимнее, не останавливайся. Когда сильная стужа обдержитъ смертныхъ; тогда то наипаче трудолюбивый человѣкъ домъ свой обогащаетъ. Да не утѣснитъ тебя злыя зимы жестокость съ нищетою, и да не трешь изсохшею рукою опухлую свою ногу. Лѣнивый человѣкъ по тщетной своей надеждѣ много ожидая, и имѣя нужду въ припасахъ, злая въ сердцѣ своемъ обращаетъ. Худая надежда питаетъ недостаточнаго человѣка, сѣдящаго въ теплотѣ, у котораго нѣтъ довольнаго припаса, Скажи дѣлателямъ твоимъ среди самаго лѣта: не всегда де лѣто будетъ, дѣлайте хижины. Мѣсяца Января, злыхъ оныхъ дней, и самымъ воламъ вредныхъ, сего убѣгайте; и купно льдовъ, которые дыхающу по земли Ворею, несносны бываютъ. Сей вѣтръ чрезъ питательницу коней Өракїю, дыхая на пространное море, возмущаетъ оное, отъ чего и земля и лѣсъ реветъ; онъ же многїе превысокїе дубы, и густыя ели въ долинахъ горъ напитательницу многихъ землю, силою своею налегая, повер-

 гаетъ

гаетъ и весь тогда дремучій лѣсъ воетъ, звѣри же находятся во ужасѣ, и хвосты свои поджимаютъ, даже тѣ, у которыхъ кожа отъ руна толста, и кои груди свои густою шерстію покрытыя имѣютъ; но и ихъ мразъ пронимаетъ. Да и чрезъ воловую кожу онъ проходитъ, и она его не удерживаетъ; такожъ и чрезъ мохнатую козу провѣваетъ. Стада овецъ только терпѣливѣе; по тому что шерсть на нихъ бываетъ годичная; не провѣваетъ ихъ сила вѣтра сѣвернаго. Онъ и старика тотчасъ сгорбленнымъ дѣлаетъ, а только нѣжнаго тѣла дѣвицу не пронимаетъ, которая не зная еще дѣлъ златыя Венеры, въ домѣ у дражайшія своея матери пребываетъ, и нѣжное тѣло свое чисто вымывши, и тучнымъ елеемъ намазавши, ночью внутри своего дома, во время зимнее почиваетъ; когда на противъ того безкостный Полиппъ собственную свою ногу грызетъ, и находится въ хладномъ домѣ, и въ печальныхъ покояхъ. Ибо тогда солнце не показываетъ ему пищи, на которую бы онъ напалъ; но обращаетъ бѣгъ свой надъ чернымъ народомъ, и надъ городомъ ихъ, и поздо уже всѣмъ Грекамъ свѣтить начинаетъ. И тогда поистиннѣ какъ рогатый скотъ, такъ и не рогатые лѣсные звѣрки, жалостно зубами скрыпя, по долинамъ преисполненнымъ дуба рыщутъ, и всѣ только о томъ стараются, чтобъ для сысканія покрова въ плотныя уйти берлоги, и въ каменныя пещеры; и тогда они подобны суть троеножному человѣку, у котораго и плеча изломаны, и глава зритъ долу. Сему они подобно идутъ, убѣгая бѣлаго снѣга. И тогда ты надѣнь на себя, какъ я тебѣ приказываю, мягкій кафтанъ, и даже до пятъ

полкаф-

полкафтанье; въ малой основѣ большой вотки утокъ, и сію одежду на себя надѣнь, да власы у тебя не дрожатъ, и да не будутъ приведены въ ужасъ, подымающеся по тѣлу. На ноги надѣнь башмаки сшитыя изъ кожи сильнаго вола, внутрь шерстью облеченныя; а когда благовременная придетъ стужа, то сшей себѣ шубу изъ молодыхъ козлинъ воловою жилою, чтобъ не промокли отъ дождя твои плеча. На головужъ шапку имѣй хорошую и крѣпкую, чтобъ не озябли уши; ибо заря бываетъ тогда холодна, когда сѣверный вѣтръ вѣетъ; утренній же плодоносный воздухъ отъ преиспещреннаго звѣздами неба на дѣла блаженныхъ людей поземли простираетъ, который почерпая изъ присноштекущихъ источниковъ, и на высоту отъ земли бурею вѣтра возносясь, къ вечеру иногда дождь, а иногда вѣтеръ производитъ, носящу густыя облака Борею. Сего упреждая, по совершеніи дѣла домой возвращайся, чтобъ не нашелъ на тебя мрачный облакъ, и чтобъ и одежды и тѣла твоего не обмочилъ; и сего ты убѣгай. Ибо сей зимній мѣсяцъ и для овецъ и для людей весьма несносенъ есть. Тогда воламъ половина да будетъ корму, а человѣкъ пускай питается больше: ибо долгія ночи въ томъ ему помогаютъ. Сіе примѣчая въ совершенный годъ уравнивай между собою дни и нощи, доколѣ паки земля всѣхъ матерь плодъ произнесетъ всякаго рода. А какъ Дій по возвратѣ солнца шестьдесятъ зимнихъ дней совершитъ; то при начатіи не задолго передъ тѣмъ весны звѣзда Арктура, оставивъ неизмѣримый Океянъ, первая самая восходитъ въ вечеру, а послѣ ея къ доказанію людямъ свѣта, и плачущая Пандіонова ластовица вырвавшись вылетаетъ. Сію

 предва-

предваряя подчищай древа, по тому что тогда лучше. А когда домоносица черепаха отъ земли на молодыя деревья взойдетъ, убѣгая солнечнаго зноя; тогда уже болѣе не должно выкапывать деревъ, но точи косы и серпы, и буди дѣлателей. Во времяжъ жатвы, когда солнце тѣло наше изсушаетъ, опасайся покоиться подъ тѣнїю, и спать по утру; но наипаче тогда весьма рано востая поспѣшай, и домой плоды собирай, дабы довольно было тебѣ оныхъ на пропитанїе. Ибо заря третїю часть дѣла совершаетъ. Заря лучшїй прокладываетъ путь, и успѣшнѣйшею дѣлаетъ работу, заря, которая явившись многихъ людей возбуждаетъ итти въ путь, и множайшимъ воламъ налагаетъ бремя.

Когдажъ Осетъ цвѣтетъ, и свѣтлоголосая травная кобылка на деревѣ сидя и часто хлопая крыльями, звонкое испускаетъ пѣнїе, въ несносное лѣтнее время: тогда козы тучны, и вино весьма прїятное, женщиныжъ весьма похотливы, а мущины безсильны бываютъ, по тому что главу и колѣни Сирїй изсушаетъ, и тѣло отъ жару бываетъ сухо. И тогда да будетъ тебѣ прибѣжищемъ каменная тѣнь, и Вивлейское вино, и пряникъ молошный, и молоко козье, и мясо не весьма изжаренное говяжье, и молодыхъ козловъ. Кромѣ того пей красное вино, насытивши сердце свое пищею, подъ тѣнїю сидя, устремивъ лице свое противъ умѣреннаго вѣтра, и противъ источника присно текущаго, чистаго и немутнаго. Три части воды лей, а четвертую вина. Когдажъ въ самый первый разъ явится сила Орїонова; тогда дѣлателямъ приказывай священный даръ Димитринъ молотить на мѣстѣ вѣтряномъ, и на круто-гладкомъ гумнѣ. И-

перемѣ-

перемѣрявъ добрѣ, спрячь въ сусѣки. Но послѣ того, какъ уже весь довольный припасъ положишь внутрь дома, то я тебѣ велю нанять раба неимѣющаго своего дома, и бездѣтную рабыню прискать (несносна бо та рабыня, которая дѣтей имѣетъ). Такожъ и острозубнаго пса держи, и не щадя корми: чтобъ когда нибудь у тебя спящій днемъ воръ имѣніе не похитилъ. Сѣно же и солому домой свози, чтобъ было у тебя воламъ и лошакамъ на годъ корму, но послѣ того дѣлатели да дадутъ отдохновеніе любезнымъ ногамъ своимъ, и волы да отрѣшатся.

Когда же Оріонъ и Сирій придутъ на средину неба, Арктуру же усмотритъ багряная заря; тогда о Перса! всѣ ягоды собирай. Положи же ихъ противъ солнца на десять дней, и на столькожъ нощей. Пять дней пусть въ тѣни лежатъ, а въ шестый въ сосуды клади сіи дары радостотворнаго Диониса. Но послѣ, какъ уже со всѣмъ и Пліады, и Іады и сила Оріонова закатятся: тогда опять о благовременной вспомни пашнѣ. И такимъ то образомъ весь годъ въ деревенскомъ дѣлѣ проходитъ. Еслижъ охота тебя плѣнитъ къ бѣдственному мореплаванію; то когда со всѣмъ Пліады, убѣгающіе крѣпкія силы Оріоновы, во мрачный Понтъ закатятся, въ которое время разные вѣтры бурно дышутъ; тогда кораблей въ черномъ Понтѣ болѣе уже не имѣй; но въ земледѣліи упражняться помни, такъ, какъ я тебѣ заповѣдываю. Корабль же на матерую возвлеки землю, и огради его со всѣхъ сторонъ каменьями, дабы они удерживали силу мокродышущихъ вѣтровъ, и вычерпай изъ него всю нечистоту, чтобъ не сгноилъ его Діевъ дождь. Орудія жъ

 для

для корабля приличныя все въ доме твоемъ положи, рачительно свивая парусы сего мореходнаго судна, и кормило изрядно сделанное въ дыму повесь. Самъ же благовременнаго ожидай мореплаванія, и когда оно придетъ; тогда быстрый свой корабль спусти въ море, и пристойнымъ его нагрузи товаромъ, чтобъ больше тебе привесть домой барыша, такъ какъ мой и твой отецъ, о! малосмысленный Перса, плавалъ въ корабляхъ, имея нужду въ лучшемъ пропитаніи, который некогда по оставленіи Еольскія Кумы, пространный Понтъ въ черномъ корабле, преплывъ сюда прибылъ, не доходовъ убегая, ниже изобилія и богатства, но злыя нищеты, которую самъ Дій даетъ людямъ. Поселился же онъ близъ Еликона въ бедномъ селе, называемомъ Аскра, которое зимою бываетъ зло, летомъ скучно, а хорошо никогда.

Ты же, о Перса! помни о всехъ благовременныхъ делахъ, а наипаче о мореплаваніи. Выбирай малый корабль, а грузъ клади большой. Чемъ больше будетъ грузъ, темъ больше барыша на барышъ придетъ, есьли только ветры удержатъ злыя свои дыханія. Когда жъ обратившй къ купечеству неразумный свой духъ, захочешь избежать и долговъ, и не приятнаго глада; то я покажу тебе и благовременность шумнаго моря, хотя я самъ ни въ мореплаваніи, ни въ кораблестроеніи не искусенъ. Ибо никогда я въ корабле по пространному морю не плавалъ, кроме какъ въ Еввію изъ Авлиды, где некогда Греки, дождавшись хорошей погоды, многочисленное собрали воинство изъ священныя Еллады подъ Трою прекрасныхъ женщинъ производящую. Туда то я для подвиговъ въ честь храбраго Амфидаманта установленныхъ и въ Халкиду ездилъ, где вели-

кодушные

кодушные юноши многія предуставили дары подвижникамъ, гдѣ и я, безъ хвастовства признаюсь, въ сочиненныхъ на то стихахъ побѣдителемъ учинившись получилъ троеножникъ, который Еликонскимъ музамъ и посвятилъ тамъ же, гдѣ они меня въ первый разъ удостоили вознести громкое сіе пѣніе. Только то я испыталъ многогвоздныя корабли. Однакожъ мысль козою воспитаннаго Дія возвѣщу, потому что Музы божественную пѣснь воспѣвать меня научили.

Дней въ пятьдесятъ послѣ солнечнаго возврата, къ концу приходящу трудному времени лѣту, благовременно есть смертнымъ мореплаваніе: тогда поистиннѣ ни ты корабля не сокрушишь, ни людей не погубитъ море, развѣ силою землеколебатель Посидонъ, или Дій безсмертныхъ Царь возхощетъ ихъ погубити. Ибо въ ихъ власти и добро и зло состоитъ. Тогда поистиннѣ и вѣяніе вѣтровъ бываетъ тихо, и море безопасно, и спокойно; и тогда то ты надѣясь на вѣтры, быстрый корабль свой въ Понтъ спусти, а грузъ весь утверди добрѣ. Поспѣшай же какъ наискоряе паки домой возвратитися, и не дожидай новаго вина, и осенняго дождя, ниже наступающія зимы, и скучныхъ вѣяній Нотовыхъ, который слѣдуя за великимъ осеннимъ небеснымъ дождемъ, возмущаетъ море и труднымъ къ плаванію дѣлаетъ Понтъ. Но весеннее мореплаваніе другимъ образомъ бываетъ, а имянно: когда толики листвія на высокой Смоковницѣ увидишь, колики ступающая ворона оставляетъ за собою слѣды; тогда поистиннѣ къ плаванію способно море. И сіе то есть весеннее мореплаваніе; однакожъ я его не хвалю; ибо сердцу моему неприятно есть погибельное мореплаваніе. Съ трудомъ избѣжишь зла; однакожъ

кожѣ и на сіе люди отъ безумія своего пускаются. Ибо деньги душа есть бѣднымъ людямъ. Бѣдственно же есть умереть въ волнахъ Но я тебѣ заповѣдываю все сіе, что я тебѣ ни совѣтую, объяти собственнымъ умомъ и не все имѣніе въ пустые корабли погружать: но большую часть оставляй, а меньшую погружай. Ибо бѣдственно есть въ волнахъ морскихъ терпѣть злоключеніе: такъ какъ и то бѣдственно, есьли на роспуски превеликій возъ наклавши, ось изломаешь, и все накладенное пропадетъ. Время наблюдай: а случай во всемъ изрядное есть дѣло. Пришедшижъ въ совершенный возрастъ, жену себѣ поими, пребывъ холостымъ ни гораздо менѣе, ни гораздо болѣе тридцати лѣтъ: бракъ тебѣ сей есть благовременный. Женщинажъ въ юношескомъ возрастѣ да пребудетъ четыре года, а на пятый да выдетъ въ замужство. На дѣвицѣ женись, да научишь ее непорочнымъ нравамъ. Ту же наипаче въ супружество бери, которая близко тебя живетъ, все прилѣжно размотрѣвши, да не сотвориши сосѣдямъ надъ собою посмѣянія. Ибо мужъ ничего не получаетъ лучше, какъ жену добрую: и вопреки ничего жесточае. какъ злую раскошницу, которая и самаго крѣпкаго мужа сушитъ безъ огня, и прежде времени приводитъ въ старость. Почтеніе жъ къ безсмертнымъ богамъ крайне наблюдай; и брату пріятеля равнымъ не дѣлай; ежели же сдѣлаешь, то прежде зла ему да не учинишь, и да не солжешь въ угодность языка. Есьлижъ онъ прежде сіе учинитъ, или слово какое либо изрекши непристойное, или здѣлавъ; то вдвое только наказывать ево, помни: и ежели онъ паки возвратится въ дружбу, а наказаніе понести захочетъ, то прими его. Ибо бѣдный

человѣкъ

человѣкъ друга инаго иначе дѣлаетъ: у тебя же что въ сердцѣ есть, да не изобличитъ лице твое. Не ко многимъ учащай въ гости, однакожъ къ нѣкоторымъ ходи. Не будь злыхъ людей товарищемъ, и съ добрыми не ссорься. Человѣка для бѣдныя нищеты, сокрушающія духъ его, никогда да не попрекнешь. Ибо и сія есть даръ безмертныхъ боговъ. Поистиннѣ воздержаніе языка, когда онъ умѣренность въ рѣчахъ наблюдаетъ, есть самое лучшее между людьми сокровище, и премногая благодать. Есьли ты худое скажешь, то можетъ быть и самъ еще больше того услышишь. Въ общемъ пиру, который общимъ иждивеніемъ приуготовляется, не оказывай себя отягощеннымъ. Ибо велика только милость, а иждивеніе весьма малое. Никогда по утру не приноси въ жертву чернаго вина неумовенными руками, ни Дію, ни другимъ безсмертнымъ богамъ и богинямъ. Ибо они тогда не внемлютъ, но презираютъ молитвы. Противъ солнца прямо ставши не мочись, но отъ запада его, даже до востока тако дѣлати помни. Да и на дорогѣ и внѣ дороги идучи не мочись; ниже раздѣвшись до нага; по тому что божескія суть нощи. Божественный же и благоразумный мужъ всегда мочится сидя, или пришедъ къ стѣнѣ плотно огражденныхъ сѣней. Такожъ и студные члены, будучи сѣменемъ оскверненный внутрь дома, предъ жертвенникомъ не открывай, но всячески отъ того берегись. И не зачинай дѣтей, отъ гнуснаго возвратившись гроба, но отъ Божескаго пришедъ пиршества. Еще присно-текущихъ рѣкъ чистую воду никогда ногами не преходи, прежде нежели помолишися, зря на прекрасныя источники, и руки умывъ чистою

и приятною водою. Кто рѣку прейдетъ, отъ злобы рукъ не умывши, на того гнѣваются Боги, и вредъ на послѣдокъ ему дѣлаютъ. Въ знаменитомъ Боговъ пиршествѣ ногтей на рукахъ чернымъ желѣзомъ не обсѣкай; ниже когда либо чашу жертвенную на чашу піющихъ полагай; ибо въ томъ погибельный рокъ заключается. Ниже домъ созидая недостроеннымъ его оставляй, чтобъ сидя на ономъ не каркала говорливая ворона. Такожъ и изъ скуделей неосвященныхъ не вкушай, и не мойся: потому что и въ сихъ вредъ есть. Да и на неподвижныхъ гробахъ, (ибо и сіе не добро есть) двенатцатилѣтняго юноши не сиди, для того что сіе человѣка дѣлаетъ негоднымъ; ниже двенадцатимѣсячнаго; по тому что и сіе равно есть оному. И въ женской банѣ, поелику мужчина, тѣла своего не обмывай. Ибо тяжкое до времени есть и въ семъ преступленіе. На возженныя пришедъ жертвы, не ругайся тайнымъ сожигаемыхъ скотовъ; для того, что Богъ и сіе сноситъ съ негодованіемъ. Ниже когда либо въ рѣки впадающія въ море, ниже въ источники мочу свою испускай, но всячески отъ того удерживайся, такожъ и не изпражняйся въ оныя. Ибо и сіе ни чемъ не лучше онаго. Тяжкаго же смертныхъ о себѣ безславія всячески убѣгай. Ибо худую молву легко можно поднять, но скучно ее носить, и трудно сложить. Ни какаяжъ молва со всѣмъ не пропадаетъ, которую множество разсѣваетъ народа. Ибо и она есть Богиня.

КОНЕЦЪ.

ИСІОДА

ИСІОДА АСКРЕЙСКАГО
ДНИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Исіодъ показываетъ здѣсь различія дней, которые изъ нихъ щастливы, и которые нещастливы, и что одни изъ нихъ передъ другими или лучше, или хуже. Нѣкоторыя различія къ причинамъ естественнымъ отнести можно, а нѣкоторыя произошли отъ суевѣрія. И для того надобно наблюдать различія оныхъ столько, сколько естественныя причины въ томъ дозволяютъ. Суевѣріе же не есть въ числѣ оныхъ. Крайнее жъ было бы безуміе не вѣрить, чтобъ была въ томъ естественная причина, когда она потребна намъ, и для нашей пользы отъ Бога сотворена. Ибо различія дней произошли нѣкоторою частію изъ взиранія Луны на Солнце, то есть когда она бываетъ противу онаго, по тому что отъ того возбуждается брань въ Естествѣ. Но сіе суевѣрнымъ наблюденіемъ умножилось. Изъ чего явствуетъ, что нѣтъ извѣстной причины къ различію дней у Исіода. Ибо онъ на конецъ говоритъ, что другіе люди иные дни хвалятъ.

Дни

Дни наблюдая съ Дія, напоминай благопристойно дѣлателямъ, что тридесятый мѣсяца день есть самый лучшій, разсматривать дѣла и размѣренное раздѣлять, когда въ расправѣ и судахъ народъ обращается. Ибо сіи дни суть отъ премудраго Дія. Первое новомѣсячіе, четвертый и седмый есть священный день. Ибо въ сей день Лита родила вооруженнаго злашымъ мечемъ Апполона. Осмый же и девятый, оба сіи дни возрастающаго мѣсяца полезны для отправленія дѣлъ человѣческихъ. Одиннатцатый, и двенатцатый хотя оба изящны, сей для стриженія овецъ, а оный для жнитва радостотворныя нивы: однакожъ послѣдній перваго гораздо лучше. Ибо въ сей день и висящій на воздухѣ паукъ дѣлаетъ себѣ въ вечеру паутины, и разумный муравей собираетъ свою кучу. Въ сей день да начинаетъ женщина ткать, и да располагаетъ дѣло свое. Начатаго жъ мѣсяца въ тринадцатый день опасайся начинать сѣвъ всякаго жита, для насажденіяжъ деревъ онъ весьма хорошъ. Шестыйнадесять день для деревъ весьма вреденъ, онъ же для рожденія мужеска пола изряденъ, а для женска не полезенъ, ни рожденію ихъ ни замужству. Такъ же и шестый день для рожденія дѣвицъ не способенъ, но класть козловъ, и размножать овецъ и строить скотскія клевы сей день удобенъ:

такожъ

шакожъ изряденъ онъ и для рожденія мущины, въ который родившійся любитъ говорить досадительныя, лживыя, и ласковыя слова и скрытные разговоры. Въ осьмый день мѣсяца козла и вола безмѣрно ревущаго клади, а многоработныхъ лошаковъ въ двенатцатый. Въ двадесятый великій день, когда уже онъ исполнится, благоразумнаго мужа роди. Ибо тогда родится человѣкъ весьма хорошія природы. Хорошъ же для рожденія мужчины и десятый день, а для рожденія женщины четвертыйнадесятъ. Въ сей день и барановъ, такожъ кривоногихъ и кривороrихъ воловъ, и острозубнаго пса, и терпѣливо работу сносящихъ лошаковъ укрощай, руку на нихъ налагая. Но будь остороженъ духомъ избѣгать четвертаго и двадцать четвертаго дня, чтобъ не сокрушить болѣзньми сердце свое. Ибо сіи дни весьма опасны. Въ четвертый день мѣсяца жену себѣ въ домъ пойми, съ наблюденіемъ примѣтъ по птицамъ, которые къ сему дѣлу весьма изящны. Пятаго, пятагонадесять, и дватцать пятаго дней уклоняйся; для того что они ко всему неудобны, и тяжки суть. Ибо сказываютъ, что въ оные дни Еринны ходятъ, отмщевая клятвопреступленіе, которое зло клятвопреступникамъ родила Ссора. Въ седьмыйнадесятъ день священный даръ Димитринъ, прилѣжно надсматривая, на равномъ гумнѣ вѣй и руби какъ для топленія печей дрова, такъ и многія корабельныя деревья, и все что для кораблей ни пригодно. Въ четвертый же день начинай заложенные корабли строить, а девятыйнадесять день около полудни еще лучшій къ тому есть. Девятый день совсѣмъ безвреденъ людямъ. Ибо онъ хорошъ для развожденія садовъ,

довъ, и для рожденія такъ мущинъ, какъ и женщинъ: и никогда не бываетъ совсѣмъ злаго дня. Но немногіе знаютъ, что двадцать девятый день мѣсяца весьма хорошъ наливать бочки, и ярмо налагать на выю воламъ, и лошакамъ, и быстрымъ конямъ. Тогда и добрѣ утвержденный гвоздьми быстрый корабль въ черный Понтъ спускай. Но не многіе истинну разумѣютъ. Въ четвертыйнадесять день починай бочку. Предъ всѣми днями сей день есть священный. Не много же дней хорошихъ послѣ двадесятаго дня самаго лучшаго, когда заря непогодами усиливается, а полдень еще хуже бываетъ. И сіи то дни людямъ великою служатъ пользою. Прочіежъ не извѣстны, тщетны, и ничего не приносятъ Но иный человѣкъ иной день хвалитъ. Не многіе же знаютъ въ нихъ силу. Одинъ день иногда бываетъ мачихою, а иногда матерью. Въ прочемъ изъ сихъ блаженъ и счастливъ тотъ, кто вся сія вѣдая, такъ дѣлаетъ, поелику не виненъ предъ богами гаданія разсуждающій и преступленій уклоняющійся.

КОНЕЦЪ.

ИСІОДА АСКРЕЙСКАГО ЩИТЪ ИРАКЛІЕВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сїе стихотворенїе надписывается собственнымъ именемъ Щитъ Ираклїевъ для того, что особливо объ ономъ здѣсь описанїе. Содержанїе жъ вещи есть слѣдующее. Тафїйскїе жители учинивъ нападенїе на воловъ Електрїоновыхъ, убили братьевъ Алкмениныхъ, которые стада сихъ скотовъ отъ насильства ихъ защитить старались. А какъ Амфитрїонъ ненасытно желалъ совокупиться съ Алкменою: то она не прежде ему то обѣщала, какъ чтобъ онъ братоубїйцевъ ея наказалъ. Чего для Амфитрїонъ самъ туда поѣхавъ, ихъ убилъ. Въ одну же нощь съ нею совокупляются и Дїй и Амфитрїонъ : сей возвратившись отъ брани, а оный желая родить людямъ помощника. Алкмена жъ родила отъ Амфитрїона Ификла, а отъ Дїа Ираклїа, который съ возницею своимъ Іолаемъ ѣдетъ противу Кикна сына Ареева, грабившаго везущихъ десятины въ Пиѳу. Прїѣхавши жъ со щитомъ отъ Ифеста сдѣланнымъ въ Трахину и сразившись съ Кикномъ, его убиваетъ, и Арея за сына своего бїющагося уязвляетъ въ бедру. И потомъ приходитъ къ Кїкну. Кїкнъ же былъ зять Кїиковъ по дочерѣ его Ѳемистоноѣ.

Единa изъ Ироинь именемъ Алкмена, дщерь раззорителя народовъ Електрїона, оставивъ домъ и отеческую землю шествовала въ Ѳивы, слѣдуя за питомцемъ Ареевымъ Амфитрїономъ; она родъ нѣжныхъ женщинъ и красотою и величествомъ превышала, да и благоразумїемъ ни одна изъ тѣхъ, которыхъ смертные совокупляяся съ смертными родили, ей не равнялася. Отъ главы ея и отъ черныхъ глазъ такое нѣчто сїяло, каковое и отъ златыя Афродиты. И сїя то таковою будучи, такъ сердцемъ почитала своего супруга, что ни одна изъ нѣжныхъ женъ никогда такъ не чтила, хотя онъ гнѣвомъ раздраженный за воловъ, и пресловутаго ея отца силою преодолѣвъ убилъ. Оставивъ же онъ отеческую землю, пришелъ въ Ѳивы просити помощи у щитоносныхъ Кадмеевъ. И тамо жилъ съ сею почтенною своею супругою розно, безъ желаннаго соитїя, для того что не возможно было ему на ложе взыйти сея прекрасныя дщери Електрїоновой прежде, нежели онъ отмстилъ убїйство великодушныхъ сея своея супруги братьевъ, и пылающимъ огнемъ сожегъ села храбрыхъ мужей Тафїйскихъ и Тилевойскихъ. Ибо тако съ нимъ постановлено, и свидѣтелями въ томъ Боги учинены были, которыхъ онъ опасался гнѣва, и поспѣшалъ немедлѣнно совершити то великое дѣло, которое на него отъ самихъ Боговъ возложено было. А за нимъ единодушно слѣдовали и охотники до браней и до сраженїй, славные наѣздники и выше щитовъ духъ имѣющїе,

щїе жители Вїотїйскїе, такожъ изъ близи сражающїеся Локры и великодушные обитатели Фокїйскїе. Превосходный же сынъ Алкеевъ, величаяся, народами предводительствовалъ ими. Но отецъ человѣковъ и Боговъ другїй совѣтъ въ сердцѣ своемъ составлялъ, а именно: чтобъ Богамъ и смертнымъ вещей испытателямъ насадить истребителя Ареева. И тако благоразумный Дїй коварство сїе въ глубочайшемъ умѣ обращая, и желая соитїя съ прекрасною женщиною ночью, снисшелъ съ Олимпа: и тотчасъ пришелъ въ Тифаонїю, а оттуду взошелъ на высокую гору Фикїю, гдѣ сѣдя, обращалъ въ умѣ божественныя дѣла. Ибо онъ въ тужъ самую нощь съ прекрасною дщерiю Електрїоновою на ложѣ совокупился и желанїе свое исполнилъ, въ которую и Амфитрїонъ народовъ разоритель знаменитый Ирой, по совершенїи великаго дѣла, въ домъ свой возвратился, который тогда ни къ дѣлателямъ, ни къ пастухамъ не спѣшилъ итти, прежде нежели взыйдетъ на ложе супруги своея. Ибо сильное въ сердцѣ желанїе плѣнило сего пастыря народовъ. Равно когда кто съ великимъ желанїемъ убѣгаетъ злоключенїя, свободившись отъ тяжкїя болѣзни, или отъ крѣпкихъ оковъ, такъ тогда Амфитрїонъ совершивъ почти непреодолимый трудъ, охотно и приятно въ домъ свой возвратился, и всю ту нощь пребылъ съ почтенною своею женою, наслаждаяся дарами златыя Афродиты. Онажъ и отъ Бога будучи возлюблена, и отъ преизряднаго человѣка, въ седмивратныхъ Ѳивахъ родила двухъ мальчиковъ близнецовъ; ни мало другъ другу не подобныхъ, (хотя они и братья между собою были) одного бо хуждшаго, а другаго гораздо превосходнѣйшаго, мужа жестокаго

и крѣпкаго, сильнаго Иракліа: и сего зачавъ отъ облаки помрачающаго сына Кронова, а Ификла отъ копіеборца Амфитріона, различное порожденіе, одного съ смертнымъ мужемъ совокупившись; а другаго съ Кроновымъ сыномъ, всѣхъ Боговъ повелителемъ; который и великодушнаго убилъ Кикна сына Ареева. Ибо нашелъ онъ въ рощѣ далеко стрѣломещущаго Аполлона, его самого, и отца его Арея бранію ненасытнаго, обоихъ оружіемъ сіяющихъ, стоящихъ на колесницѣ, которыхъ быстрые кони, сильно ударяли землю, біюще копытами, и прахъ возмущенный отъ крѣпкихъ колесницъ, и отъ ногъ конскихъ около ихъ раздѣлялся. Благоустроенныежъ колесницы, и ободы колесъ отъ конскаго быстротеченія ужасный производили звукъ. Радовался не повинный Кикнъ, надѣясь сына Діева, и возницу его мечемъ поразити, и отъ звучнаго оружія ихъ обнажити. Но желанія его Фивъ Аполлонъ не услышалъ, для того, что самъ онъ противъ него силу Ираклієву подвигнулъ. Вся же роща и жертвенникъ Пегазскаго Аполлона освѣщены были оружіемъ страшнаго Бога, и имъ самимъ: и аки огнь блисталъ изъ очей его. И кто жъ бы возмоглъ изъ смертныхъ противъ него стати, кромѣ Иракліа и славнаго Іолая? Ибо у нихъ и великая сила, и непобѣдимыя руки были съ прочими крѣпкими членами. И тогда Ираклій возглаголалъ къ возницѣ своему храброму Іолаю тако:

О Іолай изъ всѣхъ смертныхъ наидражайшій ирой! по истиннѣ Амфитріонъ противъ безсмертныхъ Боговъ живущихъ на Олимпѣ погрѣшилъ, что оставивъ добрѣ основанный городъ Тиринѳъ, по убіеніи за широколобыхъ воловъ

Елек-

Електріона, отшелъ къ благоогражденнымъ Ѳивамъ, и пришелъ ко Кріонту, и къ украшающейся долгимъ платьемъ Иніохѣ, которые его приняли, и всемъ потребнымъ снабдили, сколько надлежитъ съ покорностію просящихъ, и наипаче почтили его сердечно. Жилъ онъ тамо съ любезною своею супругою прекраснoю дщерію Електріоновою въ великомъ веселіи. И тотчасъ мы по прошествіи года родилися, ни тѣломъ ни умомъ между собою несходственные, то есть я и отецъ твой, у котораго умъ Дій отъялъ, и который оставивъ домъ, и родителей своихъ, отшелъ для отданія почести беззаконному Еврисѳію, нещастный. Поистиннѣ много онъ о томъ тужилъ послѣ, оплакивая вину свою: но оная не возвратима есть. Мнѣ же Богъ претрудныя предписалъ подвиги. Но ты, о другъ мой! крѣпко держи рудожелтыми вожжами быстрыхъ коней: и великое въ умѣ упованіе собирая, прямо правь легкую колесницу, и силу скоробѣгущихъ коней, ни мало не опасаясь шума человѣкоубійцы Арея, который теперь съ воплемъ, въ неистовствѣ рыщетъ, по всей священной рощѣ Фива Аполлона далеко стрѣлы мещущаго Царя. Ибо хотя онъ и силенъ есть, однако сею бранію насытится.

Къ немуже вопреки отвѣщалъ пресловутый Іолай: о стрыю мой! сколь много почитаютъ тебя отецъ человѣковъ и Боговъ и могущественный Посидонъ, который Ѳивскія стѣны держитъ и защищаетъ градъ: такъ что и сего смертнаго крѣпкаго и великаго въ руки твои предаютъ, да громкую приобрящеши славу. Но постой облекися въ Ареево оружіе, дабы мы какъ можно скорѣе колесницами нашею и Арее-

 вою

вою съѣхавшись подвизались. Понеже ни неустрашимаго сына Дїева, ниже Ификлова не приведетъ онъ во ужасъ; но мню, что самъ немедлѣнно побѣжитъ отъ двухъ отроковъ невиннаго Алкида, которые уже близко его находятся, желая подвигъ начать бранїю, что имъ гораздо приятнѣе, нежели пиршество.

Тако Iолай къ нему рекль. Храбрый же Ираклїй духомъ усладившись, осклабился, потому что онъ весма приятное ему изреклъ, и паки скорыми словами вѣщалъ къ нему тако:

О мужественный Iолай, питомецъ Дїевъ! недалече отъ насъ отстоитъ жестокое сраженїе. Ты же какъ прежде былъ ратоборенъ, тако и нынѣ великаго коня воронаго Арїона всюду повертывай, и помогай за него, елико можеши.

Тако рекши, сапоги изъ чистой мѣди, преславный даръ Ифестовъ, на ноги обуваетъ; и тотчасъ потомъ облекается въ прекрасную, златую и искуснѣе нежели самимъ Дедаломъ сдѣланую броню, которую ему дала Паллада Аѳина дщерь Дїева тогда, когда онъ началъ въ первый разъ плачевныя производить подвиги. Возлагаетъ же сей жестокїй мужъ на рамена свои отвращающее всякїй вредъ желѣзо, а тулъ повергаетъ за плеча, въ которомъ великое множество было ужасныхъ стрѣлъ, наносящихъ смерть приводящую людей въ безгласїе. Они съ передняго конца имѣли на себѣ смерть, и слезами омочены были, въ срединѣ чисты и длинны, а съ задняго конца покрыты были черняго орла перьями. Потомъ вземлетъ крѣпкое и острое копїе, обложенное съ передняго конца мѣдїю; на величественную же главу свою возлагаетъ весма искусно скованный Дедаломъ желѣзный, со временами

менами сходственный шлемъ, который отъ всякаго вреда сохранялъ главу божественнаго Иракліа.

Въ руки же вземлетъ щитъ весь въ себѣ разнообразный, зрѣнія предостойный, котораго никто ни изломалъ бы повергая. Ибо весь онъ со всѣхъ сторонъ сіялъ Алебастромъ и чистою слоновою костью, и Електромъ, и блисталъ чистымъ золотомъ, лазоревымъ згибамъ блескъ пресѣкающимъ. Въ рединѣ онаго изображенъ былъ ужасный и неисповѣдимый драконъ, назадъ огнегорящими глазами зрящій, у котораго преисполненъ былъ зевъ бѣлыми, страшными и острыми зубами, а на ужасномъ лицѣ изображалась мрачная и жестокая угрюмость возжигающая человѣческія брани, которая и умъ и сердце отнимала у тѣхъ людей, которые брань противъ Діева сына воспріимали; и коихъ души подъ землю во Адъ снизходятъ; кости же по согнитіи плоти отъ солнечнаго жару въ черной гніютъ землѣ. На немъ и прогнаніе враговъ, и напротивъ того отъ оныхъ гоненіе изображены были. На немъ смятеніе, ужасъ, и человѣкоубійство горѣло. На немъ ссора и возмущеніе бѣшенствовало, на немъ губительная Кира держа инаго еще живаго, и лишъ только раненаго, инаго ни мало не раненаго, инаго уже умершаго влекла по побоищу за ноги. Одежду же имѣла на плечахъ своихъ человѣческою кровію обагренную, жестокое видящая и чрезвычайный вопль испускающая, на немъ было и жестокихъ змїевъ главъ неменше, какъ дванадесятъ, которые въ ужасъ приводили на земли всѣхъ тѣхъ людей, которые брань противъ Діева сына воздвигали. И отъ зубовъ ихъ происходилъ скрежетъ, когда

да сынъ Амфитрїоновъ сражался. И сїи то были онаго разнообразныя чудныя дѣйствїя. Въ прочемъ какъ бы нѣкоторыя точки казалися у страшныхъ сихъ Драконовъ по синимъ хребтамъ, и очерненныя были у нихъ челюсти. На немъ были и стада дикихъ вепрей и львовъ, другъ на друга взирающихъ, ярящихся и рвущихся, которыхъ толпами строи выступали; и ни сїи оныхъ, ни оные сихъ не боялись, но только выи ихъ ужасъ наносили прочимъ. Ибо подлѣ ихъ лежалъ великїй левъ, а около ево два вепря издохшїе Черная кровь текла изъ нихъ на землю, а сами опустивши выи, лежали мертвые подъ страшными львами. Но и вепри и свирѣпые львы будучи возжены къ битвѣ, еще болѣе тѣмъ раздражались. На немъ изображена была и битва храбрыхъ Лапиѳовъ и Царя Кеней, Дрїантъ, Пириѳой, Оплей, Ексадїй, Фалиръ, Пролохъ, Мопсъ, Ампикидъ, рожденный Ареемъ Титарисїй, и Егидовъ сынъ безсмертнымъ богамъ подобный Ѳисей. Всѣ сребряные, златую около тѣла броню имѣющїе. Съ другой же стороны собиралисъ противъ ихъ Кентавры, великїй Петрей, и прорицатель Асволъ, Арктъ, Урїй, черноволосый Мима, и двое Певкидовъ, Перимидъ, и Дрїалъ: и сїи такъ же были сребряные златыя ели въ рукахъ держащїе. Всѣ же они другъ на друга стремились, такъ какъ бы живые и копьями и елями, сошедшись, дралися. Между симъ же стояли страшнаго Арея быстрые златые кони; да и самъ сей, губительный богъ, мечь въ рукахъ держащїй, воиновъ увѣщевающїй, кровїю обагренный, и такъ какъ бы живыхъ грабящїй, на колесницѣ стоящїй, а близъ его блѣдность и ужасъ желающїе изы-

ти

ти на бранъ стояли. Тамъ же и дщерь Дїева грабительница Тритогенїя, подобная той, какъ бы которая хотѣла бранъ возжещи, имѣя копїе въ рукахъ, и златый шлемъ, и козлину на плечахъ, шествовала на жестокое сраженїе. Былъ же на ономъ щиту и безсмертныхъ хоръ, въ срединѣ котораго Латонинъ и Дїевъ сынъ приятное нѣчто на златой наигрывалъ лирѣ, жилище же боговъ чистый Олимпъ отъ того оглашался. Тамо былъ и сонмъ безсмертныхъ безчисленнымъ богатствомъ окруженный. Въ подвигѣжъ богини музы Пїерїйскїе, поющимъ нѣчто сладкое подобныя, начинали пѣнїе. На немъ и безопасная неизмѣримаго моря пристань, круглая, настоящей подобная, изъ мягкаго олова была сдѣлана: многїя же посреди ея Дельфины аки плавающїе, гоняяся за рыбами, туда и сюда бѣгали, два же серебреные Дельфина подъявъ въ верхъ рыла свои, безгласныхъ ѣли рыбъ. Подъ ними жъ мѣдные рыбы трепетали, а на берегу сидѣлъ примѣчающїй рыболовъ, имѣя въ рукахъ рыболовныя сѣти, подобно намѣревающему оныя вергнути.

На немъ былъ и прекрасныя власами Данаи сынъ всадникъ Персей, ниже досязающїй ногами щита, ниже далеко отъ онаго отстоящїй, великое удивленїе рещи! ибо ни на чемъ онъ не стоялъ. Тако его златаго преславный Ифестъ собственными содѣлалъ руками, на ногахъ же имѣлъ крылатыя сапоги; а съ плечь окрестъ его въ черныхъ ножняхъ висѣлъ мѣдный на ремнѣ мечь, самъ же онъ леталъ подобно мысли. Вся спина его имѣла на себѣ изображенную главу страшнаго чудовища Горгоны. За оноюже неслъ онъ сребрянную зрѣнїя предостойную кошницу; свѣтлыя жъ и златыя одѣянїя его воскрылїя

висѣли, на главѣжъ сего царя возложенъ былъ ужасный адскій шлемъ, густый и нощный мракъ имѣющій. Самъ же Персей сынъ Данаинъ ужасающемуся и поспѣшающему подобный, скоро бѣжалъ, а за нимъ неприступные и неизреченные Горгоны, хотящіе его возхитити стремились; идущимъ же имъ по блѣдной стали, щитъ издавалъ съ великимъ шумомъ нѣкакій пронзительный и громкій звукъ; а на поясахъ два дракона наклонившія главы повѣшены были, которые жестокое видя, отъ ярости скрежетали зубами Надъ ужасными жъ Горгоновъ главами произходилъ великій ужасъ; и надъ ними мужи, бранное оружіе имѣющіе, бились, одни отъ своего града, и отъ родителей погибель отвращая; а другіе раззорить оный стараясь. Многіе лежали побитые, а большая часть еще брань творили. Женщины живымъ подобные, въ крѣпкихъ башняхъ мѣднаго острія ужасаясь вопили, и ланиты свои терзали (тако содѣлано было искуснымъ Ифестомъ) мужчиныже, которые главнѣйшіе были, и старости достигли, собравшись за врата градскія, шествовали, и погибели дѣтей своихъ боясь, на небо къ блаженнымъ богамъ руки воздѣвали; дѣти жъ на противъ того битву производили. За ними же черные, угрюмые, страшные, кровожаждущіе и неприступные Киры бѣлыми скрежещуще зубами, дражу между собою о убитыхъ производили. Ибо они всѣ черную кровь пить желали, и кого во первыхъ по случаю лежащаго или упавшаго лишъ только раненаго находили, въ того тотчасъ великія когти свои вонзали; и душа его во адъ, въ хладный тартаръ отходила. Ови жъ по насыщеніи сердца своего человѣческою кровію, самого

его

его за хребетъ свой вергали, и на задъ въ смятенiе и въ побоище паки итти спѣшили. Стояли при нихъ Клоѳе и Лахезисъ и немного меньшая ихъ Атропа. Ибо она была невеликая богиня; но однако жъ другихъ превосходнѣйшая и лѣтами гораздо старѣйшая. Всѣ же они объ одномъ человѣкѣ горкое сраженiе производили: звѣрскимъ образомъ и яростными глазами другъ на друга смотрѣли, и когтями и дерзкими руками между собою дралися. Близко же тутъ стояла и толстоколѣная богиня Тма, печальной подобная, и отягченная, блѣдная и сухощавая, гладомъ истощенная и изсогшая, и длинныя когти отъ рукъ ея протягались. У нея текло изъ ноздрей, а изъ челюстей черная кровь лилася наземлю. Сама же она ужасно зубами скрежещуще и слезами обливаясь стояла, и великiй прахъ покрывалъ рамена ея. Близкожъ тутъ былъ съ башнями и съ людьми городъ, который держали златыя на вереяхъ утвержденныя седмь вратъ. И люди въ сладострастiи и въ музыкѣ забаву имѣли. Инные бо тутъ на великолѣпной колесницѣ везли мужу жену, и великое веселiе произходило. И далеко отъ горящихъ свѣточей руками слугъ несомыхъ сiянiе блистало. Женщиныжъ красотою сiяющiе напередъ шли, а имъ играющiе послѣдовали хоры. Сiи звонкими флейтами изъ нѣжныхъ устъ пѣнiе производили, и около ихъ ударялся и отдавался звукъ; а оные соображаясь съ прiятнымъ ихъ пѣнiемъ, вели прiятныя хороводы. Отъ того паки съ другой стороны юноши на гласъ флейты, инные забавляясь пляскою и пѣнiемъ, а инные смѣющееся, безмѣрно веселились. Всѣ же они шли напередъ трубача и весь городъ веселiемъ, плясанiемъ, и прiятностями пре-

преисполненъ былъ. Инные же паки за городомъ на коняхъ верхами разъѣжжали. Земледѣльцы же пахали плодоносную землю, и украшенныя исподнїя одежды на себѣ имѣли; но было тамо и поле нивою покрытое, гдѣ инные жали острїями серповъ преклоненныя соломины, обремененныя классами яко даръ Димитринъ, инные же въ снопы вязали, и наполняли гумно: инные паки кривыя ножи въ рукахъ имѣя, рѣзали виноградъ, а инные взявъ отъ собирателей бѣлыя, и черныя виноградныя вѣтви, съ великихъ отраслей обремененныхъ листвїями и серебровидными извивками, несли въ кошницахъ. Былъ же близъ ихъ и порядокъ златый вѣтвѣй качающїйся отъ бремени листвїя и ягодъ, знаменитое дѣло благоразумнаго Ифеста. И такъ отъ того по гласу трубы, играли они каждой будучи обремененъ ягодами самыми черными. Инные же ихъ выжимали, инные черпали, а инные рукопошной бой и борбу производили: а инные будучи охотники быстрыхъ зайцовъ ловили, предъ которыми изображены были гончїе острозубные псы, хотящїе настичь зайцовъ, а оные желающїе отъ нихъ убѣжати. Близъ же ихъ имѣли трудъ и всадники и вмѣсто награжденїя производили подвигъ и битву. На благоустроенныхъ же колесницахъ стоящїя возницы вожжи послабляя, быстрыхъ коней пускали, и оные скачуще летѣли, а желѣзомъ окованные колесницы и трубицы колесъ великїй отъ того издавали звукъ. И такъ они всегдашнїй имѣли трудъ, и не было побѣды совершенной, но неопредѣлимый производили подвигъ. Предложенъ же имъ былъ между подвигомъ и великїй златый треножникъ, пресловутое дѣло благоразумнаго Ифеста. Около внѣшней стороны

роны протекалъ Океянъ наводняющему подобный, и весь столь искусно содѣланный щитъ окружалъ. По оному высоколетающіе лебеди въ великомъ множествѣ на поверхности воды плавая, кричали, а близъ ихъ рыбы бѣгали. Достойно удивленія видѣть, даже самому сильногремящему Дію, по совѣту котораго Ифестъ сей великій и крѣпкій щитъ содѣлалъ, искусно выполировавъ своими руками, который однакожъ храбрый сынъ Діевъ обращалъ безъ труда. На колесницу же скочилъ онъ подобенъ молніи отца своего щитодержца Дія, легко восходя; храбрый же возница Іолай на преди стоя правилъ накривленную колесницу. Близкожъ къ нимъ подошедъ голубыми очами красящаяся Богиня Аѳина, и ободряя ихъ скорыми словами вѣщала къ нимъ тако:

Да будите здравы потомки преславутаго Линга! Нынѣ Дій, повелѣвающій блаженными крѣпость вамъ даетъ, и Кикна убити, и знаменитое у него отъяти оружіе. Но я тебѣ о прехрабрый изъ человѣковъ! иное слово еще реку. Послѣ того, какъ уже Кикна, сладкаго сего вѣка лишишь, его самаго и оружіе его на томъ же мѣстѣ оставь; самъ же человѣческую язву наступающаго Арея примѣчая, гдѣ его искусно сдѣланнымъ щитомъ неогражденнаго, очами твоими узриши, тамо уязви острымъ желѣзомъ, и немедленно вспять бѣги. Ибо непристойно тебѣ ни коней, ни знаменитое оружіе его плѣнити.

Тако рекши блаженная богиня на колесницу быстро взошла, держа побѣду и славу безсмертными руками. И тако тогда благородный Іолай ужасно коней бичемъ ударилъ. Онижъ отъ удару легко понесли быструю колесницу, прахъ

возму-

возмущая по полю. Ибо имъ много бодрости придала голубоглазая богиня Аѳина Егиду въ движеніе приведши. Возстенала же окрестъ земля. Укротитель же коней Кикнъ и ненасытимый бранію Арей подобно огню или бурѣ стремились. Кони ихъ потомъ между собою встрѣтившись, громко взоржали, и окрестъ ихъ раздался звукъ. И къ сему первѣе началъ вѣщати Іраклій:

Безумный Кикнъ! для чего вы противъ насъ быстрыхъ коней своихъ правите, противъ тѣхъ мужей, которые труды и всякую горесть испытали? Въ сторону держи благо устроенную твою колесницу, и соврати съ пути, проѣжжая мимо. Ибо въ Трахину я ѣду къ Кїику Царю для того, что онъ властїю равно и величествомъ надъ Трахинцами владычествуетъ. Ты же и самъ довольно сїе вѣдаешь, потому что въ супружествѣ за собою держишь черноглазую дщерь его Ѳемистоною. О безумный! и самый Арей погибель смерти нанести тебѣ не воспретитъ, есьли мы между собою ратовать сойдемся. Я говорю, что уже самъ онъ прежде нѣсколько разъ копья моего отвѣдалъ, когда за пещаную Пилу, сраженія ненасытно желая, противъ меня стоялъ. Ибо трижды копїемъ моимъ онъ пораженный, въ щитъ, поднимался съ земли: въ четвертый же разъ всѣ свои силы напрягши, поразилъ я его въ бедру, и великїй щитъ на сквозь пробилъ. Онъ же въ прахъ земный повергшись отъ копейнаго палъ удара. И тамо онъ между бозсмертными посрамленъ былъ, оставивъ подъ руками моими кровавыя свои добычи.

Тако Іраклїй изрекъ: но мужественый Кикнъ отнюдь не старался ему повинутися и удержати

везу-

везущихъ колесницу свою коней. И тогда то и великаго Дія, и царя Еніалія сынъ съ благоустроенныхъ колесницъ немедленно на землю скочили. Возницы же ихъ пригожешерстными конями подъѣхали ближе. А какъ они другъ на друга нападеніе учинили, то отъ топота ногъ обширная земля потряслася. И какъ съ высокаго верху великія горы каменья оторгшись одни на другихъ упадаютъ: и многіе высокіе дубы, многіе такъ же ели и ольхи глубокія коренья имѣющіе отъ толь стремительнаго каменьевъ паденія ломаются; пока они не достигнутъ отлогаго мѣста, тако и они взаимно другъ на друга съ великимъ воплемъ нападали. Весь же Мирмидонскій градъ, и славный Іаолкъ, Арна, Элика, и преисполненная травами Анѳія, отъ гласа обоихъ ихъ великій издавали звукъ. Наконецъ съ чуднымъ воплемъ они сразилися. Тогда премудрый Дій ужасно возгремѣлъ, и съ неба ниспустилъ кровавыя капли, знакомъ сіе полагая войны, и подая великое упованіе сыну своему. Каковъ же въ долинѣ горы, ужасный къ зрѣнію, кривозубый вепрь бѣжитъ съ стремленіемъ драться съ звѣроловцами и бѣлыя свои зубы остритъ, попадая зубомъ промежъ зуба; пѣна же изъ рота у него во время жванія течетъ, и глаза блещущему огню подобны суть, поднятыми же щетинами на хребтѣ и на выѣ въ ужасъ всѣхъ приводитъ: таковъ точно Діевъ сынъ скочилъ съ колесницы. Когдажъ чернокрылая, тонкоголосая травная кобылка, на зеленой вѣтви сидя, лѣто людямъ воспѣвать начинаетъ, которой питіе и пища есть производящая травы роса, и чрезъ весь день, и по утру на зорѣ гласъ свой испускаетъ въ наижесточайшемъ зноѣ; когда тѣло Сирій изсушаетъ, и когда такъ же пшено-

но въ классахъ родится, которое лѣтомъ сѣютъ; когда горкія ягоды цвѣтъ свой перемѣняютъ, каковыя Діонисій далъ людямъ для веселости, и для труда; въ то самое время они сраженіе имѣли. Многое же между ими смятеніе произходило. Какъ же два льва, за убитую Лань, другъ на друга яряся, сами на себя нападеніе чинятъ, и ужасный между ими ревъ, и скрежетъ зубовъ начинается; и какъ хищныя птицы кривыми своими кохтями и носами, на высокой каменистой горѣ, съ великимъ крикомъ дерутся, за дикую козу, или за жирную Лань, которую молодый мужъ стрѣлою изъ лука пущенною убилъ, самъ же въ иномъ мѣстѣ бродитъ не зная, гдѣ она лежитъ; оныежъ птицы тотчасъ примѣтивъ, и изо всей мочи за оную драться начинаютъ; тако равно и сіи два съ великимъ воплемъ другъ на друга напали. Правда, что Кикнъ сильнаго Діева сына убить примѣряясь, мѣднымъ копьемъ своимъ въ щитъ его ударилъ, однакожъ не пробилъ мѣди онаго: потому что защищали его божескіе дары. Напротивъ же того Амфитріоновъ сынъ, сильный Іраклій, между шлемомъ и щитомъ длиннымъ копіемъ, обнаженную выю его ниже подбородка крѣпко ударилъ, и оба горла человѣкоубійственнымъ копіемъ своимъ пронзилъ. Ибо великая крѣпость у сего мужа явилась. Упалъ же оный, какъ бы когда нѣкій дубъ, или высокая каменистая гора пораженная дымящимся Діевымъ перуномъ. Около же его оправленное мѣдью оружіе зазвенѣло. И сего то великодушный Діевъ сынъ тамо оставилъ, самъ же человѣкоубійцу Арея наступающаго примѣчая, и свирѣпо глазами озираясь яко левъ трупъ по случаю нашедшій

шедшій

шедшїй, который тщательно кожу острыми ког-
тями раздравши, весьма скоро сладкую душу изъ-
емлетъ, съ жадностїю черное сердце свое насы-
щаетъ, и свирѣпо пламенными глазами взирая и
ребра и плеча хвостомъ бїя, ногами землю
деретъ; и никто тогда не отваживается про-
тивъ его изыти, ниже сразитися съ нимъ.
Таковъ точно и Амфитрїоновъ сынъ ненасытный
бранїю противъ Арея востаетъ, въ предсердїи
дерзость умножая. Сей же близко къ нему под-
ходитъ съ прискорбнымъ сердцемъ. Оба же они
съ воплемъ другъ на друга чинятъ нападенїе. По-
добно когда каменная глыба съ великаго верху обру-
шившись, и далеко въ низъ стремясь, съ скокомъ
оборачивается, и превеликїй трескъ нечаянно про-
изходитъ; высокїй же холмъ съ нею встрѣтив-
шїйся, до котораго она стремясь доносится, ее
удерживаетъ; съ толикимъ шумомъ и обреме-
нитель колесницы, погибельный Арей дѣлаетъ
нападенїе; Иераклїй же готовится сдержати его
стремленїе. Но Аѳина дщерь щитодержца Дїя
мрачную имѣя козлину, на встрѣчу исходитъ
Арею, и на жестокость его съ негодованїемъ
воззрѣвъ, скорыми словами рекла къ нему
тако:

О Арей! укроти необузданный духъ твой и
воздержи непобѣдимыя руки. Ибо не возможно
тебѣ знаменитое оружїе возхитити, по убїенїи
Иераклїя великодушнаго сына Дїева. Престани
отъ битвы сея; противу меня не вооружайся.
Тако она рекла: однакожъ не склонила къ
тому сердце великодушнаго Арея: но онъ съ
великимъ шумомъ, подобное пламени вознося
оружїе, скоро на Иераклїа нападаетъ поспѣшая
его убити: и окованное мѣдїю копїе вер-
жетъ въ великїй его щитъ изо всей мочи,

ярясь

лрясь за умерщвленіе имъ своего сына. Но издали голубыми очами красящаяся Аѳина, руку простерши съ колесницы стремленіе копія отвратила. Горестная тутъ Арея объемлетъ печаль; и такъ извлекшій острый свой мечь, нападаетъ на великодушнаго Ираклія, но Амфитріоновъ сынъ жестокою ненасытный бранію, приближившагося его къ себѣ, въ обнаженную бедру, подъ искусно сдѣланнымъ щитомъ, уязвляетъ жестоко, и сквозь великій щитъ досягаетъ, пробивъ оный копіемъ, и посреди земли повергаетъ Арея. Къ нему же блѣдность и страхъ легкую колесницу и коней тотчасъ подводятъ ближе, и съ широкодорожныя земли взявъ его на устроенную колесницу возлагаютъ, и оттуду спѣшно коней бичами ударивъ, уѣзжаютъ на великій Олимпъ. Сынъ же Алкменинъ и славный Іолай, совлекши съ прекрасныхъ плечь оружіе Кикна, возвратились, и немѣдленно оттуду прибыли къ городу Трахинійскому на быстрыхъ своихъ коняхъ. А сѣроглазая Аѳина вознеслася на великій Олимпъ, и въ обители отца своего. Кикнаже на противъ того Кіикъ погребъ, и безчисленный народъ обитающій, близъ города Антія, и близъ города Мирмидонскаго, и близъ знаменитаго Іаолка, Арна и Елика. Великоежъ множество собралось народа, почитая возлюбленнымъ отъ блаженныхъ боговъ Кіика; но гробъ его и монументъ безславнымъ учинилъ Анавръ, зимнимъ дождемъ потопивъ. Ибо тако ему сотворить Аполлонъ Латонинъ сынъ повелѣлъ за то, что кто пресловутыя Екатомвы ни несъ въ Дельфы, всѣхъ тѣхъ Кикнъ грабилъ засѣдши на пути.

КОНЕЦЪ.

ИСІОДА АСКРЕЙСКАГО РОЖДЕНІЕ БОГОВЪ.

Отъ Музъ Еликонскихъ начнемъ мы пѣть, которыя обитаютъ на Еликонѣ горѣ великой и божественной, и окрестъ источника чистаго, и окрестъ олтаря могущественнаго Кронова сына, нѣжными ногами скачутъ, и вымывши младое тѣло свое въ Пермиссѣ, или Иппокринѣ, или въ священномъ Ольмѣ, на верху Еликона прекрасныя и прелюбезныя производятъ хоры и крѣпко ударяютъ ногами; и отъ того возбудившись, при кровеніи густымъ воздухомъ, по ночамъ ходятъ, прекрасный гласъ испуская, восхваляюще щитодержца Дія, и почтенную Иру Аргивскую въ златыхъ сандаліяхъ ходящую: и дщерь козою воспитаннаго Дія сѣроглазую Аѳину: и пресвѣтлаго Аполлона и Артемиду стрѣляніемъ увеселяющуюся, и Посидона земледержателя и колебателя, и почтенную Ѳему, и черноглазую Афродиту, и златовѣнценосицу Иву, и прекрасную Діону, и Зарю, и великое Солнце, и свѣтлую Луну, и Литу, и Япета, и хитраго Крона, и землю, и пространный Океянъ, и мрачную Нощь; и другихъ безсмертныхъ присносущныхъ священ-

ный родъ; которые нѣкогда Исіода пасущаго Агнцовъ подъ божественнымъ Еликономъ, научили прекрасный воспѣвати стихъ. Въ первый же самый разъ такую рѣчь простерли ко мнѣ Музы Олимпійскія дщери козою воспитаннаго Дія.

Внемлите пастухи пребывающіе на поляхъ злое смертныхъ поношеніе, и чреву только служащіе: мы знаемъ многія лжи истиннѣ подобныя расказывать; но вѣдаемъ и правду глаголати, егда восхощемъ.

Тако рекли истинно глагольницы дщери великаго Дія, и дали мнѣ вмѣсто Скипетра сорвать зеленаго Лавра удивительную вѣтвь вдохнули же въ меня гласъ божественный такъ что я узналъ, какъ будущее, такъ и прешедшее и повелѣли мнѣ прославляти родъ блаженныхъ присносущныхъ; а себя всегда сперва и напослѣди воспѣвати. Но по что я сіе окрестъ дуба, или окрестъ камня глаголю?

Отъ музъ возмемъ начало, которыя великій отца своего Дія духъ пѣніемъ услаждаютъ на Олимпѣ, воспоминая и настоящее и будущее и прешедшее, согласно вcѣ поюще. Изо устъ ихъ безпрестанно течетъ пріятный гласъ. Обиталища же ужасно гремящаго отца ихъ Дія, отъ раздающагося пріятнаго богинь сихъ гласа восхищаются: и верхъ изобилующаго снѣгомъ Олимпа, домъ безсмертныхъ, звукъ отъ себя отдаетъ. Они жъ безсмертный гласъ изпуская, пѣніемъ своимъ прославляютъ, почтенный родъ боговъ во первыхъ тѣхъ, которыхъ земля и пространное небо родили и которые отъ ихъ самихъ родились боги податели благъ; вовторыхъ паки Дія, отца боговъ и человѣковъ, и въ началѣ и въ концѣ пѣсни своей воспѣ-

воспѣваютъ, сколь онъ всѣхъ боговъ превосходнѣйшій и владычествомъ величайшій. Въ прочемъ и человѣческій родъ, и мощныхъ гигантовъ воспѣвая, услаждаютъ Діевъ умъ на Олимпѣ, музы Олимпійскія, дщери щитодержца Дія, которыхъ въ Піерѣ совокупившись съ симъ Кроновымъ сыномъ, а ихъ отцемъ, родила ему Мнимосина, владычествующая надъ плодоносіемъ Елевѳира, приносящимъ забвеніе злоключеній, и утѣшеніе въ печалѣхъ. Ибо благоразумный Дій по отлученіи отъ безсмертныхъ, на священное ложе возшедши, девять нощей съ нею пребылъ. Но какъ уже годъ исполнился, и времена тѣже возвратились, исполняющимися мѣсяцомъ, и много дней прошло; то она родила девять дщерей умомъ себѣ подобныхъ, которыя стараются пѣть въ сердцахъ спокойный духъ имѣя, недалеко отъ самаго верху изобильнаго снѣгомъ Олимпа, гдѣ у нихъ и пресвѣтлые хоры, и прекрасные чертоги; а близъ ихъ Хариты и Меронъ жилища свои имѣютъ забавляяся въ пиршествахъ: любезный же чрезъ уста свои гласъ они изпуская, поютъ всѣхъ безмертныхъ боговъ законы, и почтенныя нравы прославляютъ. Они тогда шествовали къ Олимпу, безмѣрную радость изъявляюще прекраснымъ гласомъ, и безсмертною пѣснію: имъ же имны поющимъ, отвсюду звукъ отдавала черная земля: и отъ ногъ ихъ приятный произходилъ трескъ, когда они шествовали къ отцу своему, который царствуетъ на небѣ, имѣя громъ и горящій Перунъ, по побѣжденіи силою отца своего Крона, и который благопристойно все безсмертнымъ разпредѣлилъ, и купно ввелъ почести. Сіе то воспѣвали Музы въ небесныхъ жилищахъ обитающія, дщери отъ

велик-

великаго Дїя рожденныя всѢ девять, а имянно: и Клїа, и Евтерпа, и Ѳалїя, и Мелпомена, и Терпсихора, и Ерата, и Полимнїя и Уранїя, и Каллїопа, которая изо всѢхЪ ихЪ есть наипревосходнѢйшая. Ибо она почтенныхЪ правителей сопровождаетЪ. Кого же сїи дщери великаго Дїя почтутЪ, и на рожденнаго изЪ воспитанныхЪ самимЪ имЪ правителей воззрятЪ, то сему они на языкЪ изливаютЪ сладкую Росу. Изо устЪ же его текутЪ приятныя слова. ВпрочемЪ всѢ народы на него отправляющаго суды справедливыми разсужденїями со удивленїемЪ взираютЪ. Сей же безопасно предЪ всѢми глаголя немедля и великую тяжбу разумно рѢшитЪ. Ибо правители для того благоразумны суть, что претерпѢвающему народу вредЪ вЪ судѢ, дѢла вЪ первое благосостоянїе удобно приводятЪ, вѢщая кЪ нимЪ ласковыми словами. И таковаго шествующаго по граду, покорнымЪ почтенїемЪ, аки Бога, умилостивляютЪ. Да и вЪ собранїи самихЪ правителей онЪ сїяетЪ. Таковый то есть музЪ великїй дарЪ людямЪ. Ибо отЪ МузЪ и отЪ стрѢломещущаго Аполлона мужи витїи, и музыканты, а отЪ Дїя правители суть на земли. БлаженЪ же тотЪ, котораго Музы любятЪ; у него бо приятный изо устЪ течетЪ гласЪ. И аще кто плачь имѢя, и болѢзнуя духомЪ, еще новою болѢзнїю уязвленнымЪ, печалится; а Витїя, служитель МузЪ знамѢнитыя первобытныхЪ людей дѢла, и блаженныхЪ БоговЪ живущихЪ на ОлимпѢ похвалами возносити начнетЪ; то оный тотЪ часЪ скорбь свою забываетЪ, и отнюдЪ болѢзней не помнитЪ. Ибо скоро его дары оныхЪ Богинь инуды склоняютЪ. И тако радуйтеся дщери Дїевы, и подайте желанную пѢснь, и прославте боже-

божественный родъ безсмертныхъ присносущныхъ, которые родились отъ земли, и отъ преиспещреннаго звѣздами Неба, и отъ мрачныя нощи, и которыхъ славный воспиталъ Понтъ. Сверхъ сего возвѣстите: какъ то во первыхъ стали Боги, земля и рѣки, и неизмѣримый Понтъ волненіемъ рящійся, и блистающія звѣзды, и небо въ верху столь обширное: и, которые отъ сихъ рождены Боги, податели благъ. Какъ то они богатство раздѣлили, какъ различили чести, и какъ во первыхъ обитали на небѣ столь многими шарами стѣсненномъ. Сіе то мнѣ о Мусы! въ небесныхъ обителяхъ живущія, возвѣстите съ самаго начала, и рцыте, что первое изъ нихъ было?

Прежде всего Хаосъ былъ, а потомъ пространная земля, безопасная на всегда столица всѣхъ безсмертныхъ, живущихъ на верху многоснѣжнаго Олимпа; и въ мрачномъ тартарѣ, въ пропасти обширныя земли. И при томъ былъ еще Еросъ который будучи наипрекраснѣйшій между безсмертными богами, разрѣшая печали, у всѣхъ боговъ и человѣковъ укрощаетъ въ грудяхъ сердце, и подаетъ совѣтъ благоразумный. Изъ Хаоса же мракъ и черная Нощь родились, а изъ нощи Еѳиръ, и Дни рожденіе свое получили, которыхъ она родила, зачавъ отъ смѣшенія со Мракомъ. Земля же во первыхъ родила равное себѣ небо звѣздами украшенное, дабы оно всю ее покрыло, и было бы блаженнымъ Богамъ на всегда безопаснымъ жилищемъ. Кромѣ того родила она высокія горы, пріятныя жилища Богинь Нимфъ, обитающихъ по горамъ лѣсистымъ. Такожде родила она безплодную волненіемъ рящуюся пучину, называемую Понтъ, однакожъ безъ сладкія любви. Впрочемъ по

 томъ

томъ имѣвъ ложе съ Небомъ, родила глубокопучинный Океянъ, и Кія, и Крія, и Иперіона, и Япета, и Ѳію, и Рію, и Ѳему, и Мнимосину, и златовѣнценосицу Фиву, и любезную Тиѳу. Послѣ же сихъ всѣхъ родился самый меншій между всѣми дѣтьми, наижесточайшій лукавый Кронъ, который ненавидѣлъ и самаго цвѣтущаго своего родителя. Впрочемъ родила она и Киклоповъ гордое сердце имѣющихъ, Вронта, Стеропа, и великодушнаго Арга; которые Дію дали громъ, и сковали Перунъ, и которые поистиннѣ по нѣчесому богамъ были подобны. У нихъ одинъ только глазъ былъ по средѣ чела. Чего ради и названы они Киклопами по самой вещи; однакожъ со всѣмъ тѣмъ крѣпость, и сила, и великія предпріятія въ ихъ дѣлахъ были. Инные паки изъ земли и неба произошли три сына великіе, и пресильные, недостойные наименованія, Коттъ, Вріарей, и Гигъ, гордое изчадіе. У каждаго изъ нихъ было сто рукъ непобѣдимыхъ; и пятьдесятъ главъ изъ плечь выросшихъ, на крѣпкихъ членахъ. А притомъ и сила безмѣрная и крѣпкая въ великомъ ихъ ростѣ. Ибо изъ сыновъ, сколько отъ земли и отъ неба ни рождено, они наисилнѣйшіе были. И отъ своего родителя съ начала раздражены были. Ибо кто изъ нихъ сперва ни раждался, всѣхъ онъ сокрывалъ во внутренности земли, и на свѣтъ не изпускалъ; и симъ злымъ дѣломъ увеселялося небо. Сама же обширная земля извнутрь стѣсненная воздыхала: болѣзненную жъ и злую на конецъ выдумала она хитрость. Ибо лишъ только произвела родъ сизаго желѣза; то тотчасъ сковала великій серпъ, и объявила мысль свою, любезнымъ дѣ-

дѣтямъ. Печалясь же она сердцемъ возглаголала къ ободренію ихъ тако: любезные мои, и беззаконнаго отца дѣти! аще хощете мнѣ повинутися, то злое отца вашего ругательство отомстимъ. Ибо первѣе онъ предприялъ противъ васъ жестокія дѣла.

Тако она рѣкла: на всѣхъ же ихъ напалъ ужасъ, и никто изъ нихъ ничего на то ей не отвѣщалъ. По томъ утвердивши духъ свой великій и хитрый Кронъ, напротивъ того возглаголалъ къ непорочной своей матери сими словами:

О мати! поистиннѣ я сіе на себя воспріявъ совершу великое дѣло. Ибо ненавистнаго нашего отца я ни за что ставлю для того, что онъ первѣе насъ гнусныя дѣла предприялъ.

Тако рекль: возрадовалась же весьма духомъ великая земля, и поставила его въ сокровенномъ мѣстѣ; въ руки же дала ему острозубный серпъ: и всякимъ коварствомъ его наставила. Пришло наводящее нощь великое Небо и горя желаніемъ къ соитію, отвсюду на землю возлегло, и распростерлось повсюду. Тутъ изъ засады сынъ его правою рукою взявъ грозный длинный острозубный серпъ; а лѣвою ухвативъ студныя уды отца своего, тотъ часъ оныя отрѣзалъ, и по томъ повергъ, чтобъ волоклись позади его. Они жъ нетщетно выпали изъ руки его. Ибо сколько изъ нихъ ни вытекло кровавыхъ каплей; то всѣ оныя приняла въ себя земля. И по обращеніи лѣтъ, произвела крѣпкихъ Эринновъ, и великихъ Гигантовъ оружіемъ блестящихъ, и длинныя копья въ рукахъ своихъ имѣющихъ; и Нимфъ, которыхъ Меліями на неизмѣримой землѣ называютъ.

ютъ. Отсѣкши же онъ, какъ сказано первѣе, студныя уды, повергль ихъ въ многоволнуемый Понтъ. И такимъ образомъ плавали они по пучинѣ чрезъ долгое время. Около же ихъ отъ безсмертнаго тѣла родилась бѣлая пѣна; а въ ней воспитана дѣвица: сперва она къ божественнымъ Киѳирамъ принесена была, а оттуду приплыла къ окруженному водами Кипру. Вышла тамо сїя предостойная почтенїя и прекрасная Богиня. Въ округъ ея подъ нѣжными ногами выросла трава. Сїю изъ пѣны рожденную и благоувѣнчанную богиню и боги и люди назвали Афродитою по тому, что она въ пѣнѣ морской воспитана, Киѳирейскою для того, что сперва пристала къ Киѳирамъ, Кипророжденною по той причинѣ, что родилась въ окруженномъ водами Кипрѣ; и любящею студныя уды, понеже изъ нихъ произошла. Какъ скоро она родилась, и въ сонмъ боговъ шествовала; то ей уже любовь сопутствовала, и прекрасная Похоть за нею слѣдовали. Сїю же она отъ начала своего честь имѣетъ, и сей получила жребїй между людьми и между безсмертными богами, а именно: дѣвическїя въ разговорахъ нѣжности, усмѣшки, лести, приятное увеселенїе, любовь и ласки.

На оныхъ же сыновъ своихъ отецъ ихъ, великое Небо, которыхъ оно родило, негодуя, нарекль ихъ по имени Титинами. Изглаголавъ впрочемъ что они мстя отъ глупости, великое учинили злодѣянїе, за которое имъ самимъ наконецъ будетъ мщенїе. Кромѣ того мрачная Нощь родила ненавистный Рокъ, и черную Киру, и смерть, и Сонъ, и вкупѣ съ онымъ родъ сновидѣнїй, ни съ кѣмъ не смѣсившись. Послѣ же сего паки родила она Мома, и преисполненную болѣзни

Скорбь, и Есперидъ, которые о златыхъ и прекрасныхъ яблокахъ, и о приносящихъ плоды древахъ за славнымъ Океяномъ растущихъ, попеченіе имѣютъ; онажъ родила и роковыхъ богинь киръ и неукротимыхъ Киро, Клоту, Лахезу, и Атропу: которыя раждающимся смертнымъ даютъ и благо и зло, и которыя и человѣческія и Божескія преступленія гоня, никогда не престаютъ отъ сильнаго гнѣва, пока не воздадутъ тяжкую согрѣшившему казнь. Кромѣ того гибельная нощь родила и Немезу пораженіе смертнымъ людямъ: послѣжъ сея родила она лукавство, и дружество, вредную старость, и упрямую вражду. Ненавистнаяжъ вражда родила скучный трудъ, и забвеніе, и гладъ, и слезныя болѣзни, и рати и убивства, и битвы, и пораженіе мужей, и ссоры, и лживыя слова, и двоязычіе, и презрѣніе законовъ, и грѣхъ, всѣ между собою дружественныя, такъ же и клятву, которая весьма много земнородныхъ повреждаетъ, когда кто волею ее преступитъ; Понтъ же родилъ большаго сына не лживаго и справедливаго Нирея, котораго называютъ и старымъ для того, что онъ истиненъ и спокоенъ, и законоположеній не забываетъ, но праведные и кроткіе разсужденія знаетъ. Потомъ же онъ смѣсившись съ землею родилъ великаго Ѳавманта, и храбраго Форка, и багряную ланитами Киту, и имѣющую Адамантовый въ сердцѣ духъ Евривію. Отъ Нереяжъ, и отъ прекрасноволосыя Дориды круглыя рѣки дщери Океяновой родились, прелюбезныя чада богини въ безплодномъ Понтѣ Прото, и Евкрате, и Сао, и Амфитрита, и Евдора, и Ѳетида, и Галина, и Главка, и Кимотоя, и Ѳоа, и Спіо, и пріятная Ѳалія, и милостивая Мелита, и Евлимена,

лимена, и Агава, и Пасиѳея, и Ерато, и багрянолакотная Евника, и Дото, и Прото, и Феруса, и Динамена, и Нисея, и Актія, и Протомедія, и Дорида, и Панопе, и благообразная Галатія, и разумная Иппоѳоя, и багрянолокотная Иппоноа, и Кимодока [которая рѣка въ мрачномъ понтѣ дыханіе Божественныхъ вѣтровъ, вкупѣ съ Киматолигою, и съ прекрасноногою Амфитритою удобно укрощаетъ;] и Кимо, и Іона, и благоувѣнчанная Алимида, и веселая Главконома, и Понтопорія, и Ліагора, и Евагора, и Лаомедія, и Полинома, и Автоное, и Лисіанасса, и приятная свойствомъ, и непорочнымъ видомъ Еварна, и стройная тѣломъ Псамоѳа, и божественная Менилпа: и Ниса, и Евпомпа, и Ѳемисто, и Проное, и имѣющая духъ безсмертнаго отца Немертисъ: и сіи то отъ невиннаго Нерея рождены дщери непорочныя дѣла отправляющія числомъ пятьдесятъ. Ѳавмантъ же поялъ себѣ въ жену дщерь глубокотекущаго Океяна Електру, которая родила скорояв ляющуюся Иру, и прекрасноволосыхъ Арпій и Аелло, и Окипету, которыя дыханіе вѣтровъ, и птицъ погибельнымъ летаніемъ достигаютъ. Ибо они высоко летаютъ. Форку посихъ Кита родила прекрасныхъ ланитами Греевъ отъ самаго рожденія сѣдыхъ, которыхъ по тому Греями и называютъ и безсмертные боги, и по земли ходящіе люди; онажъ родила и Пефриду въ багряномъ, и Еню въ рудожелтомъ одѣяніи ходящихъ, и Горгоновъ, живущихъ славнымъ Океяномъ, въ крайней части къ нощи: гдѣ живутъ тонкоголосыя Есперилы, Сѳина, Евріала, и злопострадавшая Медуза. Она была смертная, а протчія двѣ безсмертныя и нестарѣемыя: съ одною изъ нихъ ложе имѣлъ

черно-

черноволосый Нептунъ на мягкомъ лугу, и на цвѣтахъ весеннихъ. А какъ Персей ей голову отсѣкъ, то выскочилъ изъ нея великїй Хрисаоръ, и конь Пегазъ. Сему имя такое дано по тому, что онъ у источниковъ родился Океянскихъ. Оный же мечь златый своими руками держалъ: и потомъ оставивъ мать скотскихъ стадъ, землю отлетѣлъ къ безсмертнымъ, и обитаетъ въ Дїевомъ домѣ, громъ и молнїю нося сему благоразумному Богу. Хрисаоръ же смѣсившись съ Каллирою дщерїю благороднаго Океяна, родилъ треглаваго Гирїона. Но его обезоружила сила Ираклїева, у воловъ кривоногихъ, въ окруженной водами Ериѳїѣ; когда онъ сихъ широколобыхъ воловъ въ священный гналъ Тиринѳъ, измѣривъ путь Океана и убивъ Орѳа, и скотопитателя Евритїона, въ темномъ стойлѣ, за славнымъ Океяномъ. Сверхъ сего родила она другое чудовище великое, ни мало неподобное ни смертнымъ людямъ, ни безсмертнымъ богамъ, въ пустой пещерѣ, божественную непобѣдимаго духа Ехидну; до половины Нимфу черноглазую, ланитами багряную, а до половины чудовищнаго змїя ужаснаго великаго, пестраго сыроѣда, подъ пещерами божественныя земли. И тамъ то ей вертепъ есть въ самой глубинѣ, подъ пустымъ камнемъ, далече какъ отъ безсмертныхъ боговъ, такъ и отъ смертныхъ человѣковъ: тамо поистиннѣ въ знаменитыхъ домахъ жить ей боги опредѣлили. И потому ехидна безсмертная и нестарѣемая Нимфа въ Аримахъ подъ черною землею хранилась вся дни. Сказываютъ, что съ сею прекрасною глазами дѣвицею сильный и бурный вѣтръ называемый Тифаонъ смѣсился любовїю. И она содѣлавшись

отъ него непраздною, родила храбрыхъ сыновъ. Во первыхъ же родила она Гирїону пса Орѳа, во вторыхъ нестройнаго, неизглаголаннаго громогласнаго, безстыднаго и сильнаго сыроѣда пятидесяти главнаго Плутонова пса Кервера, въ третьихъ погибельную Идру Лернею, которую воспитала бѣлорукая богиня Ира непримирительно негодующая на силу Ираклїеву. И ее то убилъ жестокимъ мечемъ Дїевъ сынъ Ираклїй съ браннолюбцемъ Іолаемъ, по соизволенїю корыстолюбицы Аѳины. Потомъ родила она дышущую ужаснымъ огнемъ, свирѣпую, великую проворную, и мочную Химеру: у которыя были три главы; одна страшнаго льва, другая козья; а третїя сильнаго змїя Дракона. Съ переди левъ, съзади Драконъ, а въ срединѣ коза, ужасно испускающая силу горящаго огня. И сїю то Пегазъ, и храбрый Веллерофонтъ плѣнили. По томъ она отъ Орѳа будучи изнасилована, родила Кадмїйскихъ жителей гибель, губительнаго Свинга и Немейскаго льва, котораго воспитавъ почтенная Дїева супруга Ира, поселила въ плодоносныхъ мѣстахъ Немеи, на пораженїе людямъ. Тамо онъ живя и владычествуя надъ пещерною Немеею, и Апезонтомъ, вредилъ людямъ, но сила Ираклїева его укротила. Кита же смѣсившись любовїю съ Форкомъ, родила меншаго сына жестокаго змїя, который въ сокровенностяхъ мрачныя земли въ пространныхъ предѣлахъ, златыя яблоки стрежетъ. И сей то родъ есть отъ Киты, и Форка. Тиѳисъ же Океяну родила водоворотныя рѣки Нилъ, и Алфей, и глубокопучинный Иридонъ, и Стримонъ, и Меандръ, и прекраснотекущїй Истръ, и Фасъ, и Рисъ, и Ахелой чистый

и

и Нессъ, и Родій, и Аліакмонъ, и Ептапоръ, и Гриникъ, и Есипъ, и божественный Симунъ, и Пиней, и Ермъ, и веселотекущій Каикъ, и великій Сангарій, и Ладонъ, и Пареенюнъ, и Евинъ, и Ардискъ, и божественный Скамандръ. Родила же она священный родъ дщерей, которые на земли мужей отъ младенчества воспитываютъ, совокупно съ царемъ Аполлономъ и съ рѣками. И сей жребій отъ Дія имѣютъ, и Пиео, и Адмита, и Ланеа, и Електра, и Дорисъ, и Примно, и богоподобная Уранія, и Иппо, и Климена, и Родія, и Каликроа, и Зевсо, и Клитія, и Ідія, и Пасиеоа, и Пликсавра, Галаксавра и любезная Діона, и Миловокисъ, и Ѳоа, и благообразная Полидора, и пріятная естествомъ Керкія, и Плуто воловыя очи имѣющая, и Персія, и Янира, и Акаспа, и Ксанеа, и разумная Петрея, и Менесѳоа, и Европа и Митисъ, и Евринома и Телесфоа въ рудожелтомъ одѣяніи ходящая, и Крисія, и Азія, и любезная Калипсо, и Евдора, и Тиха, и Амфира, и Окироа, и превосходнѣйшая изо всѣхъ Стиксъ. И сіи то отъ Океана, и Тифисы родились старшія дщери. Многія же суть и другія. Ибо три тысящи есть быстрыхъ дщерей Океановыхъ, которые разсѣявшись всюду равно на земли, и во глубинахъ озеръ живутъ, пресловутое богинь порожденіе, столькожъ паки есть другихъ рѣкъ съ стремленіемъ текущихъ, сыновъ Океаеовыхъ, почтенною Тиѳисою рожденныхъ, которыхъ имена трудно всякому смертному человѣку изрещи, но всѣ тѣ объ нихъ извѣстны суть, которые около ихъ обитаютъ. Ѳіяжъ сошедшись въ любви съ Иперіономъ, родила великое солнце, и свѣтящую луну и зарю дающую свѣтъ всѣмъ земнымъ обитате-

тателямъ и безсмертнымъ Богамъ, на пространномъ живущимъ небѣ. Съ Кріемъ же наипревосходнѣйшая изъ Богинь Еврибія по любви сошедшись, родила ему великаго Астрея Палланта, и превзошедшаго всѣхъ искуствомъ Перса. Астрею же Заря родила великодушныя вѣтры Аргестъ, Зефиръ, и быстротекущаго Борея, и Нота, въ любви съ богомъ Богиня сошедшись. Послѣ сихъ по утру рожденная заря родила Денницу, и другія блестящія звѣзды, которыми небо изпещрено. Стиксъ же Океанова дщерь, смѣсившись съ Паллантомъ родила Зила и прекрасную съ величествомъ Нику, такъ же родила преславныхъ сыновъ мужество и великодушіе, которымъ нѣтъ отдѣленнаго отъ Дія дома, ниже какого либо жилища; ниже пути, коимъ бы имъ сей богъ не предшествовалъ; но всегда они у громогласнаго Дія засѣдаютъ. Ибо тако совѣщалася Стиксъ нетлѣнная Океанова дщеръ въ день оный, егда Олимпійскій молніеносецъ всѣхъ безсмертныхъ боговъ на великое небо созвалъ. Реклъ бо онъ: что кто совокупно съ нимъ изъ боговъ противъ Титановъ ни будетъ битися, ни у кого изъ тѣхъ не отниметъ онъ награды, но всякій ту честь будетъ имѣти, которую и прежде между безсмертными богами имѣлъ. Вѣщалъ такъ же, что онъ того, который непочтенъ и не награжденъ былъ во владычество Кроново, чести и награды подобающія удостоитъ. И самая первая Стиксъ нетлѣнная къ Олимпу со своими сыновьями, пришла по совѣту дражайшаго отца своего. И за то Дій ее почтилъ, и изрядные дары даровалъ. Ибо самую ее опредѣлилъ, чтобъ была она боговъ великою клятвою, а сыновья ея во вся дни былибъ

ему

ему сожителями. Подобно и всѣмъ такъ, какъ обѣщался, учинилъ; самъ же владычествуетъ и царствуетъ. Впрочемъ Фива пришла къ Кïю на всежеланное ложе, и беременною потомъ учинившись, родила Литу лазоревымъ одѣянïемъ украшающуюся, всегда ласковую, кроткую, людямъ и безсмертнымъ Богамъ приятную отъ начала, и во первыхъ веселую на Олимпѣ. Сверхъ того родила она и свѣтлую Астерïю, которую нѣкогда Персисъ привелъ въ великïй домъ свой, дабы была она супругою его. Онажъ содѣлавшись отъ него чреватою, родила Екату, которую надъ всѣми Дïй Кроновъ сынъ почтилъ, и далъ ей богатые дары, дабы она имѣла власть надъ землею, и надъ безплоднымъ моремъ. Еще же она и отъ преисполненнаго звѣздами неба получила честь, и весьма почтена отъ Боговъ безсмертныхъ. Ибо нынѣ, когда гдѣлибо кто изъ земныхъ человѣковъ честныя тайны совершая по закону благоговѣетъ, и призываетъ Екату, то за тѣмъ, котораго благосклонная сïя Богиня приемлетъ молитвы, великая честь слѣдуетъ, и она богатство ему щедро даетъ; въ томъ бо ея состоитъ сила. Ибо которые землею и небомъ ни рождены, и честь по щастïю ни получили, сихъ всѣхъ имѣетъ она жребïй. Ничего у нея Кроновъ сынъ насильно не отнялъ, и не лишилъ того, что она получила между Титанами первѣйшими Богами; но имѣетъ все, какъ первѣе отъ начала учинено раздѣленïе. И ниже меншую, яко единородная Богиня, получила честь и власть такъ на земли, и на небеси, какъ и на мори; но еще гораздо большую, зане Дïй ее почитаетъ. Емуже хощетъ, величественно абïе предстаетъ и помогаетъ.

гаетъ. И въ собранiи между народомъ тотъ сiяетъ, которому она благоприятствуетъ. Когдажъ мужи къ человѣкогубительной брани вооружаются, тогда сiя Богиня приспѣваетъ тѣмъ, которымъ возхощетъ, тотъ часъ побѣду и славу даровати. Она и на судищи почтенныхъ правителей сѣдитъ. Она же добротворна и тогда, когда мужи въ самомъ подвигѣ сражаются, приспѣваетъ имъ неукоснительно и помогаетъ. Побѣдившему же силою и крѣпостiю прекрасную награду безъ труда несетъ, а оный радуяся родителямъ даетъ славу. Равно она преспѣваетъ и всадникамъ, аще восхощетъ, и тѣмъ, которые по синему морю съ трудомъ плаваютъ, и молятся Екатѣ и волношумящему Енносигею. Знаменитаяжъ сiя Богиня безъ труда даетъ и изобильную корысть, но безъ труда и похищаетъ оную изъ рукъ, аще точiю возхощетъ. Способна же она и въ стойлахъ съ Ермiемъ умножать скотъ, стада воловъ, стада козъ, и стада отягченныхъ руномъ овецъ; она духомъ возжелавши, изъ малаго изобильное, а изъ многаго содѣлываетъ малое. Тако она аще и единородна изъ матери изшедша, всѣми дарами между Богами почтена. Учинилъ же ее Кроновъ сынъ и воспитательницею молодыхъ людей, которые послѣ уже очами воззрѣли на свѣтъ многовидящiя Зари. Тако она отъ начала есть воспитательницею юныхъ. И сiи то суть ея чести. Рiя жъ отъ Крона, родила преславныхъ дщерей Есту, Димитру, и во златыхъ сандалiяхъ ходящую Иру, сыновъ же мужественнаго Аида, въ подземныхъ жилищахъ обитающаго и немилосердое сердце имѣющаго, такожъ и волношумящаго Енносигея, и пре-

премудраго Дія отца Боговъ и человѣковъ, отъ грому коего содрогается обширная земля. И сихъ то пожиралъ великій Кронъ, который изъ нихъ изъ священнаго чрева матерня къ колѣнамъ ея ни изходилъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ ни кто другій изъ знаменитыхъ сыновъ небесныхъ между безсмертными не имѣлъ царскія красоты. Ибо слыхалъ онъ отъ Земли, и отъ преисполненнаго звѣздами Неба, что ему аще и сильну сущу, по соизволенію великаго Дія, судьбою опредѣлено отъ собственнаго своего сына побѣждену быти. И потому онъ ясное понятіе имѣвъ, съ коварства сыновъ своихъ пожиралъ: Рею же обдержалъ тяжкій плачь. Но какъ уже Дія отца боговъ и человѣковъ приближилося время ей родити; то молилася она дражайшимъ родителямъ своимъ Землѣ и звѣздами преиспещренному Небу, чтобъ они дали совѣтъ, какимъ бы способомъ при рожденіи укрыти любезнаго своего сына, и отомстити бѣшенство отца его, великаго и хитраго Крона противъ сыновъ своихъ, которыхъ онъ пожиралъ. Они же любезной своей дщери послушалися и повинулися, и напамятовали ей, что рокомъ установлено содѣлатися съ царемъ Крономъ, и съ великодушнымъ его сыномъ. Послали же они ее въ Ликтъ, къ тучному народу Критскому, когда приспѣло время ей родити меншаго сына великаго Дія. Сего у нея пріяла пространная земля въ обширномъ Критѣ воспитати отъ самаго младенчества. Тогда она неся его приходитъ мрачною нощію вопервыхъ въ самому Ликту: взявъ же его руками сокрываетъ въ наиглубочайшей пещерѣ, подъ сокровенностями божественныя земли, въ горѣ Егейской густымъ лѣсомъ покрытой, и

 обвивъ

обвивъ пеленами великій камень дала въ руки небесному сыну премогущественному Боговъ первому Царю, который онъ возхитивъ руками абіе пожралъ, и не помыслилъ духомъ, что напослѣдокъ вмѣсто камня сынъ его непобѣдимымъ и спокойнымъ останется, который его вскорѣ силою и руками укротивъ, отъ чести извержетъ, и самъ надъ безсмертными владычествовать будетъ. Сила жъ и крѣпкія члены онаго Царя скоро по томъ расли. Прошедшу году, великій и лукавый Кронъ коварнымъ совѣтомъ земли оболщенный и побѣжденный хитростію и силою сына своего, чадородіе свое паки испустилъ. Во первыхъ же изблевалъ онъ камень, впослѣдние пожранный. А Дій его крѣпко водрузилъ въ широкодорожную землю, въ божественной Пиѳѣ, подъ холмами Парнасса, знакъ былъ напослѣдокъ, и диво смертнымъ людямъ. Разрѣшилъ же онъ и стрыевъ своихъ небожителей отъ вредныхъ узъ, коихъ связалъ отецъ его съ безумія; а сіи ему за оныя благодѣянія возблагодарили, и дали громъ, горящій Перунъ, и молнію; которыя прежде немилостивая земля сокрывала: и на сіи то уповая Дій смертными и безсмертными обладаетъ. Япетъ же поялъ себѣ въ жену дщерь Океанову прекрасную Климену, и на ложе къ ней взошелъ. Она жъ родила ему сыновъ великодушнаго Атланта; превосходнаго славою Менитія; двоедушнаго и лукаваго Промиѳея, и глупаго Епимиѳея. Который человѣкамъ изобрѣтателямъ вещей, вредомъ былъ отъ самаго начала. Ибо первый онъ сотворенную Діемъ дѣвицу взялъ. Гордаго же Менитія пространнозрящій Дій, поразивъ горящимъ Перуномъ за нечестіе

его, и за чрезвычайное мужество низвергнулъ въ Еревъ. Атлантъ же по жестокой необходимости, въ предѣлахъ земли, отъ страны остроумныхъ Есперидовъ стоя держитъ обширное небо главою и неутомимыми руками. Сей бо ему жребій благоразумный Дій опредѣлилъ. Связалъ же онъ и лукаваго Промиѳея неизбѣжными и жестокими узами, къ срединѣ столба приковавъ, и напустилъ на него ширококрылатаго Орла; который бы печень его всегда терзалъ: оная же столько вездѣ ночью выростала, сколько во весь день сія простертокрылая птица снѣдала. И сего то прекрасныя Алкмины храбрый сынъ Ираклій убивъ, злую болѣзнь отъ Япетова сына отвратилъ, и отъ скорби его свободилъ, обаче не противъ соизволенія Олимпійскаго Дія на высотѣ владычествующаго, дабы слава рожденнаго въ Ѳивахъ Ираклія на питательницѣ многихъ землѣ была еще больше, нежели прежде. И тако премогущественный Дій за то почтя почтилъ сего пресловутаго своего сына; и хотя съ негодованіемъ, однако оставилъ гнѣвъ, который прежде на него имѣлъ за то, что онъ спорилъ противъ воли его. Ибо какъ Боги, и смертные люди между собою въ Миконѣ пришли въ раздоръ; то тамо Промиѳей, желая Діевъ умъ обманути, великаго вола съ умыслу раздробивъ предложилъ имъ. Ибо въ одной части мясо, и внутренняя съ жирнымъ тукомъ въ кожѣ положилъ, прикрывъ брюховиною воловьею; а въ другой бѣлыя кости воловьи, коварнымъ искуствомъ, порядочно расположивъ прикрылъ чистымъ тукомъ. И тогда то уже къ нему возглаголалъ отецъ человѣковъ и Боговъ; Япетовъ сынъ изъ всѣхъ Царей блистательнѣйшій, о другъ мой! сколь беззаконно раздѣлилъ ты яствы!

Тако рекл҄ъ Дїй совѣты вѣчныя вѣдущїй, тайно понося его. Но вопреки лукавый Промиѳей тихо осклабившись, (Ибо коварную хитрость свою не забылъ:) вѣщалъ къ нему тако: преславнѣйшїй и наивеличайшїй изъ присносущныхъ Боговъ Дїй, изъ сихъ избери ту, которая тебѣ угодна.

Тако рекль коварная помышляя. Дїй же вѣчныя совѣты вѣдущїй за подлинно зналъ его хитрость; и для того воспрїялъ духомъ противъ смертныхъ человѣковъ зло, которое и совершити должно было. Обѣими руками возхитилъ онъ бѣлый тукъ. Разгнѣвался же мыслїю, и гнѣвъ объялъ духъ его, узрѣвши бѣлыя воловьи кости, коварною хитростїю прикрытыя. И съ того то времени родъ человеческїй приноситъ на земли Богамъ въ жертву бѣлыя кости, на благовонныхъ олтаряхъ. Весма же оскорбившись пожинающїй облаки Дїй реклъ къ нему: Япетовъ сынъ надъ всѣми премудрый, о другъ мой! ты еще не позабылъ устроевати коварныя хитрости.

Тако реклъ разгнѣвавшись Дїй вѣчныя намѣренїя знающїй. И съ того то времени коварство всегда помня, не давалъ онъ силы неутомимаго огня бѣднымъ смертнымъ людямъ на земли обитающимъ, однакожъ добрый сынъ Япетовъ, обманулъ его, похитивъ неукротимаго огня далекозримое сїянїе въ выдолбленномъ сосудѣ. Сїе оскорбило Дїя, на высотѣ гремящаго, во глубинѣ духа, и дружеское сердце его разгнѣвало, какъ увидѣлъ онъ между людьми огня далековидимый блескъ. И тотчасъ за огонь началъ онъ строити людямъ зло.

Ибо по совѣту сего Кронова сына преславный хромоногій Ифестъ содѣлалъ изъ земли прекрасныя дѣвицы образъ, голубымижъ глазами красящаяся Богиня Аѳина препоясала и украсила ее чистою одеждою; на главу же возложила искусно содѣланное руками своими покрывало, зрѣнія предостойное. Окрестъ же онаго главу осыпала пріятными содѣланными изъ цвѣтовъ зеленыя травы вѣнками. А сверхъ сихъ возложила златой вѣнецъ, который самъ содѣлалъ преславный хромецъ выработавъ своими руками, благоугождая отцу своему Дію. Въ семъ искуствомъ содѣланномъ Венцѣ многія вещи изображены были зрѣнія предостойныя; Звѣри, которыхъ въ великомъ множествѣ питаетъ и земля и море изъ сихъ многихъ онъ на немъ положилъ, великая же и удивительная сіяла пріятность. Ибо подобны они были живымъ животнымъ. Впрочемъ какъ Дій содѣлалъ прекрасное сіе зло вмѣсто добра, то вывелъ туда, гдѣ прочіе были и Боги и люди, украшеніемъ сѣроглазыя Паллады храбрымъ отцемъ рожденныя веселящееся. Удивленіе обьяло и безсмертныхъ Боговъ, и смертныхъ человѣковъ, какъ узрѣли сію глубокую и непонятную людямъ хитрость. И отъ нея то произходитъ родъ женскій. Ибо гибельный есть родъ и полъ женъ. Они суть великимъ вредомъ между смертными людьми, будучи не въ погибельной нищетѣ, но въ роскоши товарищи. И какъ въ ульяхъ пчелы трутней, участниковъ вредныхъ дѣлъ, кормятъ, а сами чрезъ весь день до захожденія солнечнаго поспѣшаютъ дѣлать бѣлыя соты; сіижъ внутри въ содѣланныхъ сотахъ пребывая, чужды

только трудъ пожираютъ; подобно смертнымъ мужьямъ Дій высокогремящій далъ злую вещь женъ, участницъ дѣлъ скучныхъ. Другое же далъ онъ зло вмѣсто добра слѣдующее. Кто брака убѣгая, и многотрудныхъ дѣлъ женскихъ, пояти жены не хощетъ; а до тяжкія достигнетъ старости, и будучи лишенъ въ дряхлости своей согрѣянія, аще не безъ богатства живетъ; то по смерти его имѣніе между собою дѣлятъ дальніе родственники. Кому же брака состояніе случится такое, что имѣетъ онъ жену честную, и пришедшую ему по сердцу; то, у сего всегда зло съ благомъ борется. Кто же получитъ вреднаго рода жену; тотъ живетъ нося въ груди духомъ и сердцемъ вѣчную скорбь. И сіе есть не излѣчимое зло. И тако отнюдъ невозможно Діевы мысли обманути, ни избѣжати. Ниже бо Япетовъ сынъ никому обиды несодѣлавшій Промиѳей тяжкаго гнѣва его избѣгнулъ; но необходимо его, хотя и многовѣдущаго великія узы укрощаютъ. На Вриарея же, на Котта и Гига лишъ только отецъ ихъ разгнѣвался духомъ; то и связалъ ихъ крѣпкими оковами, удивившись жестокому и звѣрскому ихъ мужеству, образу, и величеству; повергнулъ же ихъ подъ обширную землю, гдѣ они болѣзни имѣя подъ оною живущи, сидятъ во мракѣ, въ предѣлахъ великія земли, весьма печаляся сердцемъ, и великій плачь имѣя, но ихъ Кроновъ сынъ, и другіе безсмертные боги, которыхъ родила прекрасная власами Ріа совокупившись съ Крономъ, по совѣту земли извели паки на свѣтъ; ибо она ихъ во всемъ наставила, чтобъ съ ними и побѣду и свѣтлую славу получити. Долго бо сражалися сердцемучительный трудъ имѣя, и Титаны боги, и всѣ Крономъ

номъ рожденные, другъ противъ друга, чрезъ крѣпкія битвы: пресловутые Титаны съ высокія Оѳры, а боги податели благъ съ Олимпа, которыхъ родила красящаяся власами Рія съ Крономъ возлегши. Они поистиннѣ тогда между собою сердцемучительное сраженіе имѣя, безпрестанно сражалися, полныя десять лѣтъ. И ни какого не было сраженію жестокаго рѣшенія; ниже конца ни той, ни другой странѣ, и равно съ обѣихъ странъ продолжалася война. И какъ имъ Дій предложилъ вся приличная, и Нектаръ и Амвросію, которую сами вкушаютъ боги; то у всѣхъ въ сердцахъ еще вящее умножился духъ гордый. Когда жъ они Нектара и любезныя Амвросіи вкусили; тогда къ нимъ отецъ человѣковъ и боговъ возглаголалъ тако:

Послушайте меня Землй и преславнаго Неба дѣти, да реку, что мнѣ духъ въ сердцѣ повелѣваетъ. Уже бо весьма давно противящеся другъ другу, какъ боги Титаны, тако и мы, произшедшіе отъ Крона, о побѣдѣ и владычествѣ боремся. Но вы вспомня спокойное дружество, великую силу и непобѣдимыя руки противъ Титановъ въ жестокомъ сраженіи покажите, что все претерпѣвъ, отъ скучныхъ узъ, и отъ мрака темнаго, по нашему совѣту, къ свѣту возвратитеся.

Тако реклъ. Семуже знаменитый Кототъ отвѣщаетъ: высокопочтеннѣйшій, ты не невѣдомое глаголешъ; но и мы знаемъ, что превосходное есть твое сердце, и превосходный умъ, и что ты отвратителемъ былъ безсмертнымъ ужаснаго вреда, и твоимъ благоразуміемъ, о сынѣ Кроновъ и царь! отъ мрачныя темноты, и отъ горькихъ узъ, нечаянно

ное претерпѣвше , паки пришли мы въ первое благосостоянїе. И для того нынѣ напряженнымъ духомъ, и благоразумнымъ совѣтомъ въ жестокомъ сраженїи борющеся съ Титанами чрезъ трудныя битвы, владычество твое защитимъ.

Тако рекль. Боги жъ податели благъ выслушавъ сїю его рѣчь похвалили. И тогда духъ ихъ войны вяще восхотѣлъ, нежели прежде: и тако въ день оный сильную битву воздвигли всѣ и жены и мужы, и Титаны боги, и всѣ, которые отъ Крона родилися, и которыхъ Дїй изъ Ерева подземнаго на свѣтъ изпустилъ, жестокїе и крѣпкїе, и силу безмѣрную имѣющїе. У каждаго изъ нихъ было сто рукъ совокупно произшедшихъ, и пятьдесятъ главъ изъ плечь возрасшихъ на крѣпкихъ членахъ. Боги тогда противъ Титановъ стояли въ плачевномъ сраженїи, превеликїя камни въ крѣпкихъ рукахъ своихъ носяще. Титаны же съ другой страны укрѣпляли фаланги свои ревностно, и обѣ страны и рукъ и силъ совокупно дѣло показывали. Тогда не измѣримый Понтъ ужасно ревѣлъ, земля великїй звукъ издавала; пространное небо рыдало, и обширный Олимпъ стремленїемъ боговъ отъ основанїя колебался. Пришелъ же и до мрачнаго тартара сей жестокїй трусъ, и произходящїй на высоту стукъ отъ ногъ, и отъ неумѣреннаго смятенїя, и отъ сильныхъ ударовъ. Тако поистиннѣ они другъ на друга плачевныя стрѣлы вергали; гласъ же тѣхъ и другихъ взывающихъ дошелъ даже до преизпещреннаго звѣздами Неба, потому, что сражалися они съ великимъ воплемъ. И поистиннѣ уже Дїй болѣе силы своея не удерживалъ, но оною духъ его наполнялся,

нялся, и всю ее тутъ изтощилъ, и совокупно съ ними съ неба и съ Олимпа блистая наступалъ: перуны же священнымъ пламенемъ блещащія вмѣстѣ съ громомъ и молніею, отъ сильныя его руки весьма скоро и часто летали. Пространнаяжъ земля окрестъ ихъ горя ревѣла, и отвсюду отъ огня превеликій лѣсъ трещалъ; кипѣла вся земля, и источники Океановы, и неизмѣримый Понтъ. Обьялъ же теплый паръ земныхъ Титановъ: пламень же на божественный воздухъ взошелъ превеликій, и сіяніе произходящее отъ громовыхъ стрѣлъ, и отъ молніи очеса, аще и храбрыхъ, зрѣнія лишило. Безмѣрный пожаръ обьялъ Хаосъ; и казалось, предъ собою глазами видѣти, и ушами гласъ слышати такъ, какъ и древле, егда и земля и небо свыше другъ ко другу приближалися. Ибо каковъ великій трескъ происходилъ, когда земля была разрушаема, а небо съ высоты ее разрушало; таковъ точно трескъ былъ, когда боги въ сраженіи между собою сходилися. Ибо какъ вѣтры, такъ равно громъ и молнія, и горящій Перунъ стрѣлы великаго Дія, движеніе и прахъ съ шумомъ возмущали, и несли крикъ и вопль въ средину тѣхъ и другихъ, и превеликій звукъ отъ ужасныя битвы произходилъ; и сила дѣлъ ихъ изъявлялася. Преклонилась на конецъ битва, прежде жъ они другъ на друга нападая въ храбромъ сраженіи крѣпко билися. Между первымижъ жестокую битву воздвигли Коттъ, Вріарей, и ненасытный бранію Гигъ; сіи поистиннѣ часто по триста камней изъ крѣпкихъ рукъ своихъ вергали; помрачили же боги стрѣлами Титановъ, и связавъ своими руками; скучными узами ихъ оковали; и повергли ихъ хотя и великодушныхъ сущихъ подъ долготерпѣливую

землю

землю на столько разстоянїемъ внизъ, сколько небо отстоитъ отъ нея. Равное бо есть разстоянїе отъ земли въ мрачный тартаръ, какъ и отъ неба до земли. Ибо девять нощей и дней желѣзное ядро съ неба летѣвшее, въ десятый день земли достигло бы; равнымъ образомъ девять нощей и дней верженное съ земли въ десятый день въ тартаръ дошло бы. Околожъ онаго тартара желѣзный оплотъ обведенъ, а вокругъ сего нощь трoякимъ порядкомъ расположена; но на верху его земныя, и безплоднаго моря коренья израсли. Тамъ то боги Титаны подъ темнымъ мракомъ, въ мѣстѣ гнусномъ, и самомъ послѣднемъ пространныя земли, по соизволенїю женущаго облаки Дїа сокрыты, и нѣтъ имъ оттуду выходу. Тамо Посидонъ врата навѣсилъ желѣзныя; и стѣна окружаетъ его съ обѣихъ странъ. Тамо Гигъ, и Коттъ, и великодушный Врїарей, хранители вѣрные козою воспитаннаго Дїя живутъ, тамо и мрачныя землй, и тартара темнаго, и безплоднаго Понта, и преисполненнаго звѣздами неба, по порядку всѣхъ источники и предѣлы суть скучные и гнусные, которыхъ ненавидятъ и сами боги. Столь же велика оная пропасть, что ни кто во весь цѣлый годъ дна ея не достигъ бы, когдабъ сперва во врата ея вошелъ; но сѣмо и овамо носила бы его стремительная скучная буря. Страшно и безсмертнымъ богамъ сїе чудовище: и мрачныя нощи ужасный домъ, который стоитъ черными покрытый облаками. Прежде сими то Япетовъ сынъ обширное небо держалъ главою, и неутомимыми руками крѣпко стоя тамо, гдѣ нощь и день другъ со другомъ разговаривали, кругомъ обходя и попеременно входя въ оный великїй

предѣлъ

предѣлъ желѣзный; ибо когда сей туда входитъ, то оная вонъ изходитъ, и никогда ихъ обоихъ оный домъ въ себѣ не держитъ; но всегда одинъ внѣ онаго жилища находясь, подъ землею движется; а другая вопреки въ томъ домѣ пребывая, ожидаетъ часа тогожъ путешествія, пока онъ пріидетъ. И сей, то есть день земнороднымъ многозрящій свѣтъ подаетъ, а оная есть вредная, и покрытая чернымъ облакомъ нощь въ рукахъ своихъ Сонъ брата смерти имѣетъ; тамо и сыновья мрачныя Нощи жилища свои имѣютъ, то есть Сонъ и Рокъ, важные боги; и никогда ихъ свѣтлое солнце не освѣщаетъ лучами, ни на небо восходя, ни съ неба низходя. Правда, что изъ сихъ одинъ землю и пространныя хребты морскія спокойно протекаетъ, и пріятенъ есть людямъ; но у другаго желѣзное есть сердце, мѣдная грудь, и жестокость въ предсердіи. Кого лишъ изъ человѣковъ онъ восхититъ; то уже держитъ у себя, и самымъ безсмертнымъ богамъ непріятелемъ онъ есть. Тамо впереди палаты звучащіе адскаго бога, храбраго Аида, и прехвальныя Персефоніи стоятъ. Ужасный же и жестокій песъ за дверями оныхъ находясь, стрежетъ ихъ, который злую хитрость имѣетъ. Ибо входящихъ какъ хвостомъ; такъ и обѣими ушами ласкаетъ: выходить же паки потомъ, никого не допускаетъ, но примѣтивъ то пожираетъ всякаго, кого бы ни возхитилъ идущаго за двери храбраго Аида, и прехвальныя Персефоніи. Тамо обитаетъ и ненавистная безсмертнымъ богиня, страшная Стиксъ, старшая испущающаго и пріемлющаго въ себя воды Океяна дщерь. Особожъ она отъ Боговъ живетъ въ великолѣпныхъ

чертогахъ великими камнями сверху покрытыхъ; которые отвсюду серебреными до небесъ утверждены столпами. Рѣдко жъ Θавмантова дочь быстроногая Радуга вѣстницею на обширныхъ хребтахъ морскихъ является, когда ссора и брань между Богами произходитъ. И поистиннѣ когда кто солжетъ передъ живущими въ небесныхъ обителяхъ, тогда Дій Радугу великую Боговъ клятву, посылаетъ, да несетъ она издалека въ златомъ горлѣ преславную хладную воду, которая изъ камня высокаго и великаго произтекаетъ. И хотя много подъ обширную землю изъ священнаго источника чрезъ черную Нощь, рогомъ Океановымъ течетъ, однакожъ десятая только часть туда отдѣлена. Девять бо частей окрестъ земли, и окрестъ обширныхъ хребтовъ морскихъ сребряными пучинами кругообращаясь въ море впадаютъ; а одна только изъ камня въ великій вредъ Богамъ изтекаетъ. Ибо кто изъ безсмертныхъ живущихъ на верху снѣжнаго Олимпа, клятву самовольно преступитъ; тотъ ко вкушенію Амвросіи и Нектара близко не подходитъ, но лежитъ цѣлый годъ бездыханенъ и безгласенъ, на постланныхъ одрахъ, и злая сонная болѣзнь его обдержитъ; послѣжъ того, какъ онъ въ болѣзни погребенъ, чрезъ весь великій годъ пребываетъ; то одна послѣ другой прескучная скорбь его обьемлетъ. На девять же лѣтъ таковый отъ присносущныхъ отсылается, и чрезъ все то время ни къ совѣту, ни къ трапезѣ съ ними не допускается. Въ десятый же потомъ годъ паки въ Сонмѣ безсмертныхъ, въ небесныхъ жилищахъ обитающихъ обращается. Такою то клятвою Боги установили присноте кущую Стиксову воду древнюю оную, которая проходитъ

дитъ сквозѣ самое сухое мѣсто. И тамо мрачныя земли, и темнаго Тартара, и безплоднаго Понта, и преисполненнаго звѣздами Неба, по порядку всѣхъ источники и предѣлы суть скучные и гнусные, которыхъ ненавидятъ и сами Боги. Тамо пресвѣтлыя врата, и мѣдный неподвижный прагъ, длинными кореньями оплетенный, и самъ собою рожденный; передъ нимъ же во внѣшности всѣ Боги Титаны далѣе мрачнаго Хаоса обитаютъ. Впрочемъ же Коттъ и Гигъ живутъ въ обителяхъ славнаго ихъ помощника ужасно гремящаго Дія, стоящихъ на основанїяхъ Океанскихъ: а добраго Вриарея шумящїй Енносигей учинилъ себѣ зятемъ, давъ ему въ жену дщерь свою Кимополїю. Когдажъ Дій Титановъ съ неба свергнулъ; то великая земля возлегши съ Тартаромъ чрезъ златую Афродиту, родила меншаго сына Тифоея, котораго руки для силы къ дѣламъ способны, и ноги неутомимы суть, яко сильнаго Бога. У него было сто главъ змїевыхъ ужаснаго Дракона, которые черными языками облизывалися. Изъ глазъ на всѣхъ сихъ чудныхъ и страшныхъ главахъ подъ бровями находящихся, явный огонь сверкалъ. А голоса ихъ неизреченный всякаго рода звукъ издавали. Ибо иногда они кричали, чтобъ только Богамъ разумѣть можно было; иногда испускали непреодолимый силою голосъ мычащаго свирѣпаго вола; иногда безстыдный духъ имѣющаго льва, а иногда нѣчто подобное песїимъ щенкамъ. Иногда же трещали, и звукъ отъ себя издавали, какъ высокїе горы. Удивительное было слышати. И конечнобы въ день оный случилася вещь неизбѣжная, что онъ надъ смертными и безсмертными власть получилъбы, если бы того отецъ человѣковъ и Боговъ скоро не узналъ.

Тяж-

Тяжкоже и крѣпко сей возгремѣлъ; окрестъ же его земля и обширное Небо свыше, и Понтъ, и теченіи Океановы и преисподняя мѣста земли ужасно затрещали; а какъ онъ восталъ, то подъ безсмертными его ногами великій Олимпъ сотрясся, а земля востенала. Пожаръ же отъ обоихъ ихъ учинившійся отъ свирѣпаго огня грома и молніи, и горящаго Перуна и огненныхъ вихрей, черный Понтъ обьялъ. Возкипѣла вся земля, небо и море. Горѣли же и окрестные брега, и окрестъ ихъ возходили великіе волны отъ стремленія Боговъ: и движеніе произходило неутолимое. Побледнѣлъ и самый Аидъ преисподними мертвыми владычествующій, и Титаны подъ тартаръ низверженные, отъ Крона особо пребывающіе, устрашившись сего неугасимаго шума, и жестокаго сраженія. Дій же послѣ того, какъ воздвиглъ силу свою, и восприялъ оружіе, громъ и молнію, и блистающій Перунъ, съ Олимпа скочивъ, вдругъ ударилъ, и всѣ великія жестокаго чудовища главы во кругъ обжегъ. Прочее какъ самого его ударами поражая побѣдилъ; то упалъ онъ лишенный членовъ. Пламень съ верженіемъ Перуна выскакивалъ отъ онаго Царя въ темныхъ и непроходимыхъ долинахъ пораженныя горы. Великая же и неизмѣримая Земля рыдала, и сильнымъ пожаромъ обьята была, такъ что на подобіе олова, искуствомъ молодыхъ людей, и дѣятельнаго мастерства художникомъ разтопленнаго таяла, или какъ желѣзо, хотя оно и весьма твердо есть, отъ сильнаго огня побѣжденное въ долинахъ горы на божественной землѣ, подъ руками Ифестовыми растаеваетъ; тако поистиннѣ земля отъ блистанія горящаго огня таяла. Наконецъ оскорбленный духомъ

хомъ Дій повергль чудовища въ пространный Тартаръ.

Отъ Тиѳоеа же произошла сила мокродышущихъ вѣтровъ, изъемля Нотъ, Борей и тихій Зефиръ, которые поистиннѣ отъ Боговъ рожденіемъ произходятъ, и суть людямъ великою пользою; прочіе же вѣтры безъ пользы дышутъ, которые налегая на мрачный Понтъ, на пораженіе великое людямъ, злымъ возхищаются вихремъ, и то сіи, то оные дыша разрушаютъ корабли, и кораблеплавателей погубляютъ. И отъ зла его людямъ нѣсть уврачеванія; то есть что кто бы съ ними въ Понтѣ встрѣтился и подалъ помощь. Они жъ паки по неизмѣримой землѣ цвѣтами украшенной, пріятныя дѣла земнородныхъ людей повреждаютъ, наполняя оныя прахомъ и плевами.

Но какъ уже со всѣмъ трудъ блаженные Боги совершили, и съ Титанами за честь силою сразилися; тогда по совѣту земли повелѣли царствовати и владычествовати надъ безсмертными, Олимпійскому пространнозрящему Дію, а сей между ими по порядку раздѣлилъ дары. Потомъ же сей божескій Царь первою своею женою учинилъ многоученнѣйшую изъ Боговъ и изъ смертныхъ людей Миту. Но какъ ей пришло время родити сѣроглазую Богиню Аѳину; тогда она съ коварства ласковыми словами Діевъ умъ обманувъ, сокрыла ее въ свое чрево, по совѣту Земли, и звѣзднаго Неба. Ибо тако они мыслили, чтобъ царской чести ни кто другой изъ присносущныхъ Боговъ неимѣлъ, кромѣ Дія. Отъ сея бо судьбою опредѣлено было, благоразумнымъ чадамъ родитися; и первой самой сѣроглазой дѣвицѣ Тритогеніи, равную отцу

своему силу, и благоразумный совѣтъ имѣющей. Впрочемъ потомъ приближилося время родити ей и великодушнаго сына, божескаго и человѣческаго Царя, но тогда ее Дїй прежде въ свое сокрылъ чрево для того единственно, дабы ему обьявила сїя Богиня добро и зло. Потомъ поялъ онъ себѣ въ жену пресвѣтлую Ѳему, которая родила Часы, Евномїю, и Дикїю, и цвѣтущую Ирину; которыя Богини смертныхъ людей всѣ дѣла приводятъ въ зрѣлость. Онажъ родила Миръ, Клоту, Лахезу и Атропу, которымъ благоразумный Дїй, далъ велїю честь. Ибо они смертнымъ людямъ добро и зло даютъ. Евринома же прелюбезный видъ имѣющая Океянова дщерь родила ему трехъ багряноланитныхъ Харитъ; Аглаїю, Евфросину, и любезную Ѳалїю: отъ глазъ коихъ разрѣшающая члены созерцающихъ ихъ, любовь изливается. Прочее взошелъ онъ на ложе и питательницы многихъ Димитры, которая родила ему багряноланитную Персефонїю, которую отъ оныя ея матери похитилъ Аидонъ; далъ же ему ее премудрый Дїй. Потомъ влюбился онъ въ прекрасноволосую Мнимосину, и родилъ отъ нея девять златовѣнценосицъ Музъ, которымъ приятны суть пированїя увеселенїе и пѣнїя. Лита же смѣсившись любовїю съ Козо воспитаннымъ Дїемъ, родила ему Аполлина, и стрѣлолюбящую Артемиду, желанное порожденїе предъ всѣми небожителями. Послѣднюю жъ поялъ Дїй жену себѣ цвѣтущую Иру. А она соединясь любовїю съ симъ Царемъ Боговъ и человѣковъ, родила ему Иву, Арея и Илифїю. Самъ же онъ изъ главы своея родилъ почтенную сѣроглазую Тритогенїю жестокую и неукротимую, въ полѣ смятенїя зачинающую, предводительницу войскъ, которой приятны вопли, бра-

ни и битвы. Иража (которая силы напрягая съ супругомъ своимъ ссорится) любовію сопрягшись, родила преословутаго Ифеста украшеннаго искуствомъ предъ всѣми небожителями. Отъ Амфитриты же, и отъ шумнаго Енносигея родился многомощный и великій Тритонъ, который владычествуя надъ дномъ морскимъ, у любезныя матери и у отца своего Царя обитаетъ въ златыхъ чертогахъ, будучи и самъ великій Богъ. Но Арею щиты разсѣкающему Киѳерія родила Страхъ и Ужасъ важныхъ Боговъ, которые совокупно съ разрушающимъ городы Ареемъ, тѣсныя храбрыхъ мужей Фаланги на страшной войнѣ въ смятеніе приводятъ. Такъ же родила она Армонію, съ которою великодушный Кадмъ сопрягся. Атлантоважъ дочь Маія на священное ложе къ Дію возшедши, родила ему вѣстника Боговъ славнаго Ермія. Кадмова же дщерь Семела смѣсившись любовію съ Діемъ, родила ему знаменитаго сына, веселаго Діониса, безсмертнаго смертная: нынѣ же оба они суть между Богами. Алкмена же соединясь въ любви съ симъ же пожинающимъ облаки Богомъ, родила сильнаго Ираклія. Знаменитый же обѣими ногами храмлющій Ифестъ меньшую сестру изъ Харитъ, прекрасную Аглаію поялъ себѣ въ жену. Но златоволосый Діонисъ учинилъ себѣ супругою желтую Аріадну прекрасную дщерь Миноеву; которую ему Кроновъ сынъ безсмертною и нестарѣемою содѣлалъ. Прекрасноногія жъ Алкмены храбрый сынъ Ираклій, по совершеніи плачевныхъ подвиговъ, поялъ себѣ въ жену дщерь великаго Дія и златоногія Иры, стыдливую Иву на изобилующемъ снѣгомъ Олимпѣ: счасливъ онъ потому, что великое дѣло учинивъ, не вредимъ

и нестарѣемъ во вся дни между Богами обитаетъ. Не утолимомужъ солнцу славная Океянова дщерь Персія родила Кирку, и Царя Еита. Еитъ же сынъ свѣтодателя человѣкамъ солнца, по совѣту Боговъ, сопрягся съ дщерію крайнія рѣки Океяна, багряноланитною Ідіею. Сіяжъ разженная чрезъ златую Афродиту въ любви, родила ему пригоженогую Мидію.

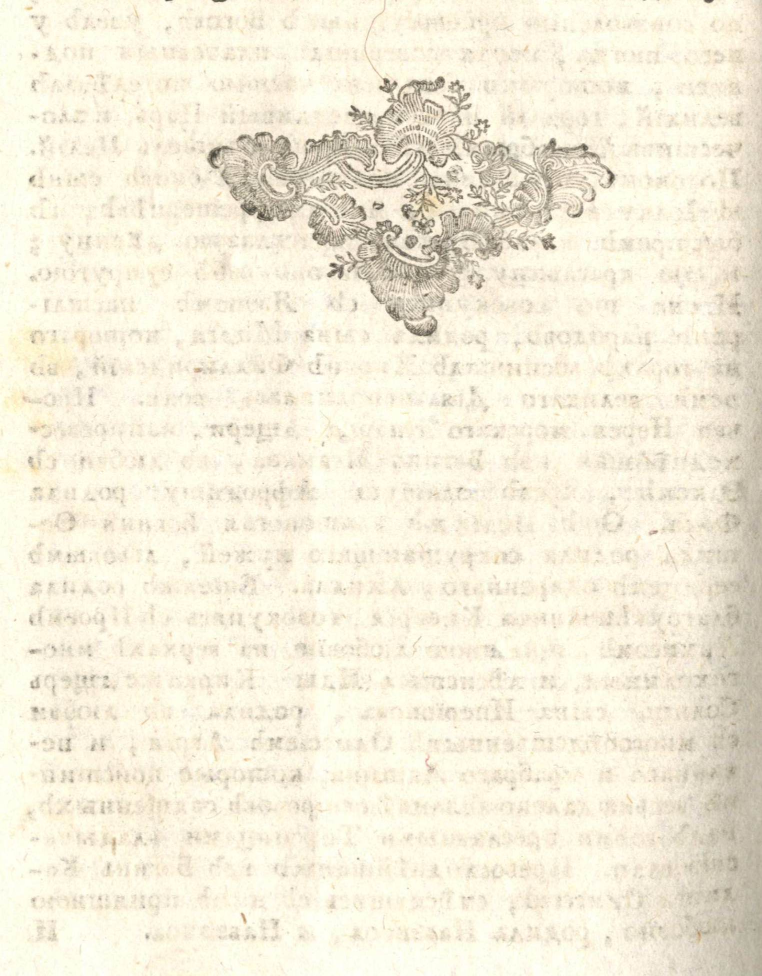
И тако оставляю нынѣ васъ въ небесныхъ жилищахъ обитающіе, острова, матерыя земли и солью исполненный Понтъ. Днесь же ласкоглаголивыя Музы Олимпійскія, дщери козою воспитанного Дія воспойте сонмъ тѣхъ Богинь, которые будучи безсмертныя съ супругами возлегши смертными, родили Богамъ подобныхъ чадъ. Наипревосходнѣйшая изъ Богинь Димитра, съ Ироемъ Ясіемъ смѣсившись приятною любовію, на полѣ при разъ вспаханномъ, въ Критской тучной землѣ, родила добраго Плутуса: который ходитъ по всей земли, и по пространнымъ хребтамъ морскимъ, встрѣчающагося же, и того, которому въ руки онъ попадется, обогащаетъ, и весьма щастливымъ дѣлаетъ. Кадму же Армонія дщерь златыя Афродиты родила Ину, и Семелу, и багряноланитую Агаву, и Автоною, которую поялъ густоволосый Аристей, и Полидора, въ благоогражденныхъ Ѳивахъ. Дщерь же Океянова Каллироа съ великодушнымъ Хризаоромъ любовію многозлатыя Афродиты смѣсившись, родила превосходнѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ сына Гиріона, котораго убилъ сильный Ираклій, за кривоногихъ воловъ, въ окруженной водами Ериѳеѣ. Тиѳону же Заря родила Мемнона мѣднымъ шлемомъ огражденнаго, Царя Еѳіопскаго, и Царя Имаѳіона; а Кефалу родила она славнаго сына, храбраго Фаеѳонта,

Богамъ

Богамъ подобнаго мужа, котораго прямо младаго, и нѣжный цвѣтъ славныя юности имѣющаго, и юношеское мыслящаго отрока, смѣхолюбивая Афродита возбудила, и восхитивъ въ божественныхъ храмахъ ночнымъ стражемъ, и божественнымъ Демономъ учинила. Дщерь же воспитанного Дїемъ Царя Еита, Езоновъ сынъ, по соизволенїю присносущныхъ Боговъ, увелъ у него тогда, когда совершилъ плачевныя подвиги, которыхъ большею частїю повелѣвалъ великїй, гордый и несправедливый Царь, и злочестивый храбрыхъ дѣлъ производитель Пелїй. По окончанїижъ сихъ подвиговъ Езоновъ сынъ въ Іолку возвратился, многая претерпѣвъ, въ быстромъ караблѣ везя черноглазую дѣвицу; и сїю красавицу учинилъ онъ себѣ супругою. И она то совокупись съ Язономъ пастыремъ народовъ, родила сына Мидїя, котораго на горахъ воспиталъ Хиронъ Филлиридскїй, въ чемъ великаго Дїя исполнилась воля. Прочее Нерея морскаго старца дщери, наипревосходнѣйшая изъ Богинь Псамаѳа, въ любви съ Эакомъ, чрезъ златую Афродиту родила Фока. Отъ Пелїяжъ златоногая Богиня Ѳетида родила сокрушающаго мужей, львовымъ сердцемъ одареннаго, Ахилла. Енїеяжъ родила благоувѣнчанная Киѳерїя, совокупясь съ Ироемъ Анхисомъ, прїятною любовїю, на верхахъ многохолмныя, и лѣсистыя Иды. Кирка же дщерь Солнца сына Иперїонова, родила въ любви съ многобѣдственнымъ Одиссїемъ Агрїя, и невиннаго и храбраго Латина, которые поистиннѣ весьма далеко въ замкѣ острововъ священныхъ, надъ всѣми преславными Тирсинцами владычествовали. Превосходнѣйшаяжъ изъ Богинь Калипса Одиссею, смѣсившись съ нимъ прїятною любовїю, родила Навзиѳоа, и Навзиноа. И

И сїи то безсмертные имѣвъ ложе съ мужами смертными, родили Богамъ подобныхъ чадъ. Нынѣ же родъ женъ воспойте сладкоглаголивыя музы Олимпїйскїя, дщери Козою воспитаннаго Дїя.

КОНЕЦЪ РОЖДЕНІЮ БОГОВЪ ИСІОДОВУ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.	строки	напечатано	читай.
4	26	оныя	оный
14	23	Дїа	Дїй
18	14	концемъ бразды	жезломъ
55	4	славный	сланый
59	5	Киро	Киръ
60	32	славнымъ океа-номъ	за славнымъ Океаномъ
68	18	парнасса, знакъ	Парнасса, чтобъ знакъ
77	9	а оная есть	а оная, то есть
85	26	Енїея жъ	Енїа жъ

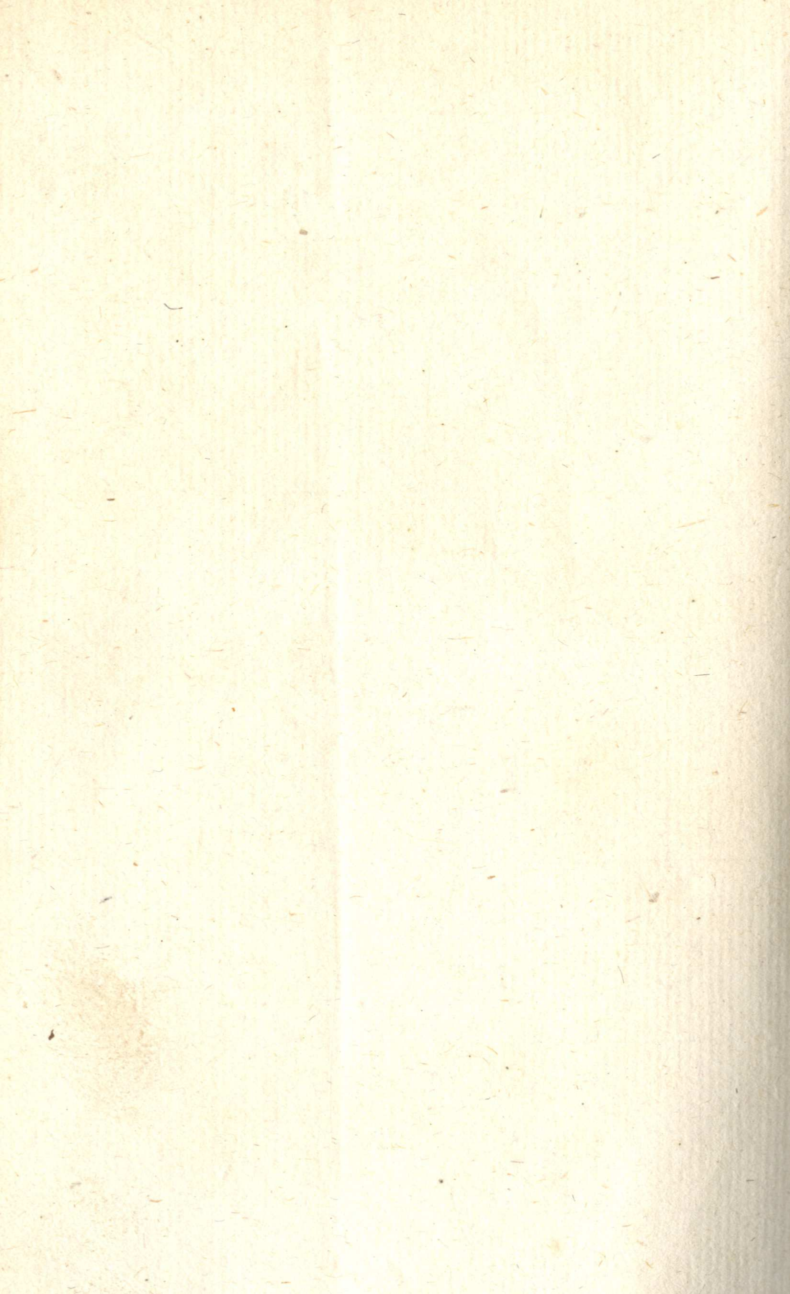
) o (

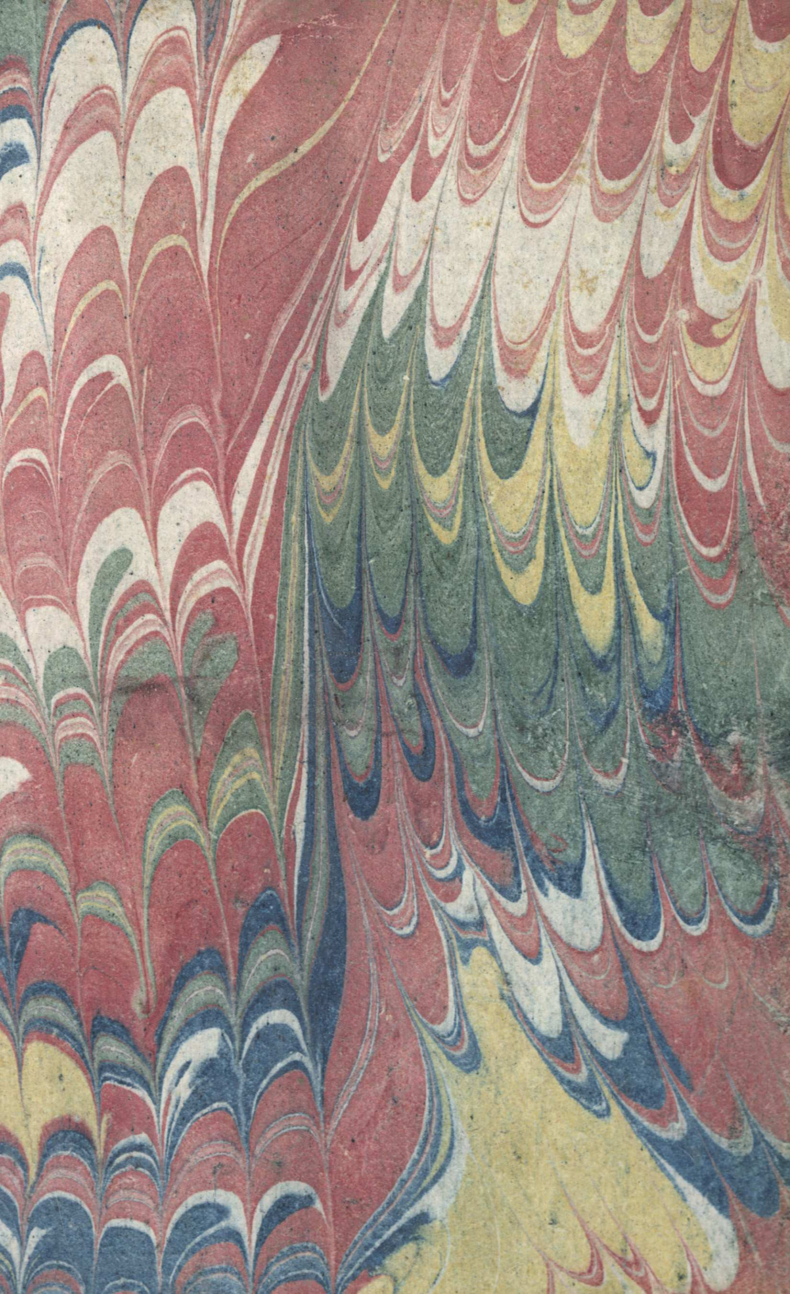

РНБ РУССКИЙ ФОНД
18.148.5.31.